

An impressionistic painting of a forest scene. The composition is dominated by vertical brushstrokes representing tree trunks. The color palette is rich and varied, including shades of blue, green, yellow, orange, and brown. The sky is a bright, hazy white and light blue, suggesting a clear day. The overall style is expressive and textured, with visible brushwork throughout.

ВЛАДИМИР

ЖУКОВ

ЗЕМНОЕ

ПРИТЯЖЕНИЕ

ЛЮБВИ

Владимир Жуков

**Земное притяжение
любви. Сборник**

«Автор»

2015

Жуков В. А.

Земное притяжение любви. Сборник / В. А. Жуков — «Автор»,
2015

Лирические рассказы, стихи и этюды. Все дороги ведут не только в Рим, но и в солнечный Крым, щедро наделенный Богом неповторимой природой, живописными ландшафтами, вобравшими в себя степи, горы, леса, реки, озера, Черное и Азовское моря, охватившие лазурной оправой полуостров, точно названный чилийским поэтом Пабло Неруда орденом на груди планеты Земля.

© Жуков В. А., 2015

© Автор, 2015

Владимир Жуков

ЗЕМНОЕ

ПРИТЯЖЕНИЕ

ЛЮБВИ

рассказы, стихи, этюды

*Светлой памяти матери
Марии Климовны посвящаю.*

ПРЕКРАСНАЯ ТАВРИДА

Шестьдесят лет моя жизнь и творчество прочно связаны с прекрасной и благословенной Тавридой, воспетой Пушкиным, Чеховым, Грином, Куприным и другими замечательными мастерами художественного слова. Эта земля очаровывала и вдохновляла литераторов, живописцев, музыкантов, певцов, создавших великолепные шедевры мировой и русской культуры. И впредь есть и будет чистым, благодатным источником для вдохновения и творчества.

Подобно тому, как все дороги ведут в Рим, также они ведут людей, ценителей красоты и гармонии, в солнечный Крым, щедро наделенный Богом неповторимой природой, живописными ландшафтами, вобравшими в себя степи, горы, леса, реки, озера, Черное и Азовское моря, лазурной оправой окаймившие полуостров, точно названный чилийским поэтом Пабло Неруда орденом на груди планеты Земля. Это особенно ощущаешь, находясь вдали от отчего дома, родной земли, по которой сделал свой первый в жизни шаг.

*О, как, порою, в суете напрасной,
Домой не можем отыскать пути,
Но все же в сердце вечно и прекрасно
Земное притяжение любви!*

Счастье родиться, жить и творить на этой земле, дарующей энергию для добрых дел, для созидания. Каждому человеку дорог и мил отчий дом, где перед взором распахнулась даль, зовущая от родного порога в дальнюю дорогу. Для меня таким заветным уголком, желанным причалом стали крымские села Красногвардейское, Новый Мир, Хлебное, Чапаевка и другие, расположенные на территории Советского района.

Первые литературные сочинения, наряду со статьями, лирическими рассказами, этюдами и стихами были опубликованы в районной газете «Приазовская звезда», в окружной Краснознаменного Одесского военного округа «Защитник Родины», в одной из войсковых частей которого довелось служить, а затем и публикации в крымских изданиях.

В данном сборнике представлены литературные произведения, написанные в пору моей юности и зрелости, опубликованные за период с 1968 по 2010 годы в газетах «Приазовская звезда» (пгт Советский), «Южная правда» (г. Николаев), «Защитник Родины» (г. Одесса), «Днестровская правда» (г. Тирасполь), «Победа» (г. Бендеры), «Крымский комсомолец» (г. Симферополь), «Слава труду» (г. Бахчисарай), «Заря коммунизма» (г. Джанкой), «Керченский рабочий» (г. Керчь), «Российский писатель» (г. Москва), «Крымские известия» (г. Симферополь) и в других изданиях.

Посчитал целесообразным включить в сборник статьи о близких мне по духу, мировосприятию природы замечательных поэтах XX века русском классике Сергее Есенине и испан-

ском поэте и драматурге Федерико Гарсиа Лорке, живших в одну эпоху и трагически завершивших свой земной путь. Тем не менее, их великолепные, жизнеутверждающие творения будут восхищать еще не одно поколение ценителей изящной словесности, содержанием и гармонией формы.

Конечно, я не безучастен к творчеству Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Александра Блока, Владимира Маяковского, Ивана Бунина и других выдающихся мастеров художественного слова. Но именно с юных лет в мое сердце запали пронзительно светлые и искренние, богатые мыслями, чувствами и красками стихи Есенина и Лорки, в значительной степени, повлиявшие на мое творчество.

Великолепная крымская природа, замечательные люди вдохновляют на творчество во славу и процветание родного края, сохранение и приумножение его исторических, культурных и духовных ценностей.

*Пусть в жизни вам сопутствуют всегда,
Давая светлым мыслям ускорение,
Поэзия прекрасного труда
И радость золотого вдохновения!*

*С добрыми пожеланиями
ваш Владимир Жуков*

СТАНЦИЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

1

Взойдешь по тропинке, пересекающей по диагонали голубеющие поле овса, на пригорок и перед взором сразу откроется панорама села с его аккуратными, словно выстроенными для праздничного парада домами. Они утопают в зелени садов, сверкают на солнце покрытые шифером новые дома. Но кое-где сохранились саманные хаты с выгоревшей от летнего зноя и поблекшей от дождей, черепицей и дымовыми трубами. Их, свидетелей бурного времени, военного лихолетья, становится все меньше в моем родном крымском селе.

Стареют и уходят в мир иной односельчане, а вместе с ними ветшают и разрушаются дома, умирают, некогда шумевшие изумрудной листвой, тутовые деревья, больше знакомые под названием шелковица. Ее черными, красными, фиолетовыми и желтыми ягодами по-прежнему лакомятся детишки, да и взрослые готовят вкусное ароматное варенье.

Когда-то в пятидесятые годы прошлого столетия, в соседнем селе Власовке жители занимались разведением тутового шелкопряда. Из его коконов, расплетая сотни метров тонких блестящих нитей по китайской технологии, изготавливали шелк. Старые дома из калыба (смесь глины с соломой), высокие шелковицы в центре села и полуразвалившийся колодец с деревянным срубом и бетонным желобом для водопоя животным – приметы старого уходящего мира, в котором осталось мое детство, юность с яркими ощущениями первой любви.

Много раз я останавливался на пригорке, глядел на село и дальнее поле, за которым сиренево-дымчатый полог неба соединялся с размытой в знойном мареве линией горизонта. Я видел, как над крышами сказочными каравеллами плыли пепельно-белые облака, как грохотами фонтанчиками по пыльной дороге теплые летние ливни. Особенно радовало босоногую детвору, когда небо опоясывала семицветная радуга, а сверху, словно вытряхивая из облаков остатки влаги, моросил мелкий слепой дождик. Собравшись в хоровод, мы хором просили: «Дождик, дождик, припусти, дай гороху подрасти...»

Закатив по колено штанишки, я тоже бегал и сверкающим, как рыба чешуя лужам. А когда дождь затихал, то на потревоженной глади воды колыхались перевернутые в этом огромном зеркале вниз крышами дома, деревья с кронами и верхушками, утонувшими в глубине.

Летели во все стороны сверкающие брызги, кольцами разбегались волны, и отражение близких предметов разрушалось на глазах. Весело, как выпущенный на волю красногрудый жеребенок, бежал я к высокой шелковице, где на отлогом берегу, заросшем травой, конским щавелем, лопухами и крапивой, столпилась малышня. Ребятишки пускали по воде бумажные кораблики, которые тут же из страниц старой школьной тетради изготавливал мой ровесник конопатый Вадька. С ним мы иногда ссорились, но и быстро примирались, ведь часто приходилось защищать от соперников свою часть территории на единственной улице села. Тогда мы с ним и еще несколькими ребятами, постоянно были в меньшинстве, становились боевой дружиной.

Баталии с «противником» – ребятами, живущими на противоположном краю улицы возникали по разным, даже мелким поводам. Стоило, кому из ребят не поладить и начинались активные действия. В ход шли попавшиеся под руку мелкие камешки, вязкие, слепленные из глины комья. В смелости мы не уступали имеющим перевес в численности соперникам и считали бегство и плач самым большим позором.

Однажды Вадьке угодили кулаком в глаз. Он всю неделю глядел на меня свысока, гордясь своим синяком. Я помню, как он огорчился, когда, взглянув в осколок зеркала, не обнаружил под глазом в честной драке обретенного синяка. Успокоился лишь услышав, что у нас еще будет не одна возможность отличиться в потасовках и получить суровые отметины. Они для нас имели такое же значение, как для воинов ордена и медали. Хотя имелись у нас и свои награды – блестящие крышки от стеклянных банок. Жестянки звенели на груди и бросали солнечные блики.

Ритуал награждения был торжественным и строгим – у высокого шеста, на котором ветер развевал квадрат красной ткани, хотя и у противника знамя тоже было красным, но мы их по законам войны называли белыми, а они, наоборот, считали нас белогвардейцами. Эта неопределенность также была причиной наших баталий, столкновений.

Задолго до появления всесоюзной военно-патриотической игры «Зарница» сельские ребята во всю играли друг с другом, не в лапту, как в старые времена, а в войнуху. Может потому, что отгремевшая с десятков лет назад война с фашистами, напоминала о себе не успевшими осыпаться и зарости травой окопами с позеленевшими гильзами от патронов, металлическими осколками, обрывками телефонных проводов, касками и котелками на местах бывших сражений. Саперы не успевали обезвреживать опасные «сюрпризы» войны.

Награды вручал Вадька на правах начальника штаба. От переполнявшей его гордости он задирает вверх свой утиный нос, подносит согнутую в локте руку к кое-где лакированному козырьку фуражки, найденной в чулане полуподвальной хаты деда Леонтия. Мы завидовали приятелю, так как никто не имел такой военной фуражки с рубиновой звездочкой. Он хватался, что не снимает ее с головы даже во время сна. В ту пору я тоже мечтал о фуражке или пилотке и португее. Имея эту экипировку, я мог бы претендовать на роль командира и тогда бы Вадька не задирает бы нос.

2

Зеленая, поросшая калачиками и одуванчиками лужайка возле высокой шелковицы, была нашим любимым местом. У толстого с серыми трещинами на коре ствола дерева лежал серый, слегка выбеленный лучами солнца камень-валун. От своей, вросшей в землю хатенки под черепицей приходил старик Леонтий. Он нам казался таким же древним, как и дерево. Спина его под старым военным френчем сгорбилась. Дед опирался на посох. Садился на

камень и подставлял спину жаркому солнцу, леча ревматизм, заработанный в сырых и холодных окопах под Сталинградом. Не спеша доставал из кармана вышитый кисет и высыпал на газетную полоску щепоть табака. Склеивал сигарку и закуривал, сощуриив выцветшие некогда василькового цвета глаза из-под седых бровей. Сизый дым окутывал его покрытое сетью морщин лицо.

Мы с любопытством глядели на старика. Я знал, что Вадька украдкой от родителей пробовал курить, спрятавшись за сараем и мне предлагал, но я отказался. Вспомнил, что однажды соблазнился и во рту было горько и противно.

– Деда, скажи, сколько лет этой шелковице? – спросил я у Леонтия. Он помедлило с ответом. Обратив на меня светлый взгляд, произнес:

– Кто его знает, Сашко, наверное, много? Сколько живу, столько и дерево растет. Тут прежде болгары-колонисты жили. А в соседнем селе – немцы еще с царских времен, когда после того, как Крым отвоевали у турок, началось его заселение.

Выкурив самокрутку, старожил медленно шел к своей приземистой хате, огороженной постаревшим от времени плетнем из лозняка, кустами шиповника и ежевики. В одичавших закутках возвышался со стрелами колючек чертополох с ярко-алыми, словно фонари, цветами. За обителью Леонтия находился небольшой сад, где вперемешку с душистыми антоновками и яркими, как девичьи губы, вишнями, росли одичавшие яблони, груши с мелкими кисло-терпкими плодами и терновник с иссиня-черными ягодами. А в мае буйно зацвела сирень, склонив на плетень дымчато-ароматные гроздья.

Мы докучали старику: забирались в сад и лакомились плодами, собирали цветы. Большой куст белоснежной сирени рос у самого окна. Старик застал Вадьку за ломкой соцветий. До того снисходительно относящийся к нашему озорству (плодов не жалко, только ветки не ломайте), на сей раз Леонтий рассердился. Тогда мы от него и узнали, что у старика был сын Сергей, который перед призывом в армию за два года до начала войны посадил сирень, а в сорок втором пришла похоронка о том, что он погиб смертью храбрых. Леонтий, хотя по возрасту не подлежал призыву, добровольцем ушел на фронт, вместо сына встал в боевой строй. Старик показал фотографии Сергея на стене возле иконы Святого Николая.

С фотографии на нас взирал веселый дядя в военной одежде с орденами и медалями на груди, настоящими, а не жестянками, как у нас. Мы поняли, что сирень дорога Леонтию, как память о сыне и больше не прикасались к гроздьям и другим ребятам велели не трогать.

Она благоухала и ветер доносил аромат до шелковицы, на верхушке которой в сплетении ветвей, расходящихся в разные стороны, находился наш наблюдательный пункт. Я поднимался по стволу, раздвигал ветки и подносил к глазам армейский бинокль с перекрестием координат, подаренный старшим братом Виктором. Сразу приближался стан противника, были видны его перемещения. Все бы так и продолжалось без перемен, если бы к дяде Петру ни приехала из Подмоскovie племянница – бойкая Наташа. Да вот беда, дом дяди находился на территории противника. На девчонке было короткое голубенькое платье. Она мне очень понравилась, поэтому всю ночь строил планы, как вызволить принцессу из плена.

Но утром эти мечты рассыпались, словно песочный замок, ибо я увидел, что «моя принцесса» вместе с недругами наступает на нашу территорию. Обида сжало мое сердце. «Ну, и пусть она на их стороне», повторял я помня, что слезы – позор для настоящего воина.

С той поры прошло лет десять. Много цветов отцвело и воды утекло. Выйдя из дома, я и теперь вижу высокую шелковицу, но уже не так отчетливо, как прежде. Мне, кажется, она стала ниже или потому, что я вырос, а ее обогнали и затенили другие деревья: клены, акация, грецкий орех. Давно уже нет деда Леонтия. На кладбище, на возвышенности у села Чапаевка, на могильном холмике стоит почерневший скромный деревянный крест. Возле его полуподвальной хаты, где никто уже не живет, за развалившимся плетнем, каждую весну в апреле зацветает сирень, а осенью опадают в пожухлую листву маленькие одичавшие кисло-терпкие

яблочки. Там теперь играют в прятки другие мальчишки и девчонки. Я с грустью гляжу на резвящуюся детвору. Не знаю, куда забросила судьба начштаба Вадьку, он уехал с родителями. Но Наташка? Верно, сказано, что гора с горою не сходятся, а человек с человеком обязательно встретятся. И эта встреча произошла неожиданно, как подарок судьбы.

3

На дворе царил тихий бархатный август. В садах крепко держался густой медовый аромат яблочек. Среди переплетения веток и листвы виднелись краснобокие и желтые плоды. Я возвратившись из очередной командировки по селам района, шел по улице родного селения, в котором за последние шесть-семь лет появились новые улицы с домами из желтого ракушечника с шифером, а от саманных хат остались руины.

Скрипнула под рукой калитка. Ожили при спаде жары и приближении вечера, поникшие в палисаднике цветы, старательно ухоженные моей матушкой. В этом ей усердно помогали сестры-близнецы.

– Знаешь, кто приехал? Ни за что не угадаешь, – встретила меня вопросом одна из сестер и сообщила – Наташа.

– Какая еще Наташа?

– Угадай, – велела она и вышла в соседнюю комнату.

– Наташа, Наташа, – повторял я вслух, напрягая память. И вдруг всплыла издалека обида на сероглазую девчонку, не понявшую моих добрых рыцарских намерений. « Это она, не мог же беспричинно ее облик проявиться в моей памяти», – подумал я с теплотой и надеждой в сердце.

Это действительно была она, таинственная москвичка. На следующий день я встретился с Наташей. С затаенной радостью глядел на стройную девушку в розовом платье цвета сказочного фламинго. Глаза у нее все те же серые, оттененные голубизной. В них появилась строгость.

– Здравствуйте, – улыбнулась девушка.

– Здравствуйте, Наташа, – ответил я и замолчал, смутившись.

– Как много здесь изменилось. Я часто вспоминаю наши детские игры, —призналась она. —Мы с вами ссорились, смешными и наивными были. Не правда ли?

Сказала и откинула рукою светлую прядь со лба.

– Да, – торопливо ответил я. Хотя это было и трудное, полуголодное детство, но по-своему, интересное время. Ведь в детстве, каждый человек, впервые открывающий для себя мир, художник.

Мы присели с Наташей на скамью под раскидистым грецким орехом возле калитки. В унисон нашим воспоминаниям оно прошумело широкими листьями.

– От дяди Пети я узнала, что вы отслужили в армии, а теперь работаете журналистом в газете, нарушила она паузу. Потом отыскала несколько номеров районной газеты и прочитала ваши статьи и стихи.

– И каково первое впечатление?

– Пока воздержусь от оценки, а то возгордитесь, – улыбнулась она. К тому же я по натуре технарь, не специалист в поэзии и мое мнение субъективно.

– Да, чрезмерная гордость, тщеславие ни к лицу, – согласился я. Если только человеком овладевает мания величия, то творчество угасает. Скромность, трудолюбие – посох на пути к достижению вершин.

– Я и не предполагала, что вы станете журналистом, – продолжила Наташа. – Это же, так интересно встречаться с новыми людьми, писать о их делах, проблемах, удачах и огорчениях.

– Встречи с людьми, а общение, как заметил кто-то из философов, великое благо, духовно обогащают, делают зорче к событиям и явлениям, требовательнее к себе. Но журналист – это

слишком громко сказано, я всего лишь год, как работаю литературным сотрудником, а во время службы в армии печатался в окружной военной газете. И давайте, Наташенька, если не возражаете, перейдем на «ты», сделаем наш диалог теплее, ведь мы старые, не по возрасту, а по времени знакомства, друзья.

– Я согласна.

– Вот и прекрасно. А как твои дела складываются?

– Сплошные заботы. Это в селе жизнь течет плавно и размеренно, а в Москве она быстрая, – сказала девушка. – Работаю крановщицей на заводе, а вечером учусь в МВТУ имени Баумана. Это очень престижный вуз, ежегодно среди абитуриентов большой конкурс. Я увлечена точными науками, поэтому успешно сдала вступительные экзамены. Лекции в аудиториях, семестры, конспекты, зачеты, экзамены. На личные дела не остается времени. Хотя это и есть личные дела.

– Не огорчайся, Наташенька, здесь на лоне природы отдохнешь от суеты городской жизни, – театральным жестом я вскинул руку.

– Торжественно, как в храме, – рассмеялась она.

– На время твоего отпуска готов стать гидом, – предложил я.

– Но здесь нет исторических достопримечательностей?

– Зато неподалеку есть пруд, в котором можно купаться, а на берегу загорать.

– Хорошо, начнем путешествие с посещения пруда, а то ведь жара, зной, – приняла она мое предложение и после паузы призналась. – Хотя в пору детства мы находились в разных группах и ссорились, но ты был достойным соперником.

– Давай мириться, – прикоснулся я к ее руке.

– Так быстро? – повела она тонкой бровью. – Прежде я погляжу, как ты себя поведешь, то может, придется продолжить бои местного значения?

– Хорошо, – принял я правила ее игры и спросил. – Ты любишь поэзию, стихи?

Она утвердительно кивнула своей прелестной головой и я, глубоко вдохнув воздух, старательно прочитал:

*Только сердцу дорожке,
Только взору милей
Та девчонка, что может
Скоро станет моей.*

— Похвальная самоуверенность, – улыбнулась она, слегка наклонив прелестную голову, и спросила:

– Кто эта девчонка?

– Вымышленный, символический образ. Есть же у Блока Прекрасная дама. Почему бы и мне вообразить прекрасную незнакомку, вдохновляющую на творчество. Без Музы-вдохновительницы жизнь лишена ярких красок, чистых чувств и гармонии.

– Да, пожалуй, любимые женщины стали стимулом для расцвета талантов многих поэтов, живописцев, музыкантов, певцов, актеров, – согласилась Наташа.

Девушку окликнул ее дядя Петр. Мы расстались, договорившись, что завтра я проведу Наташу к пруду, расположенному в трех километрах от села. Благо наступала суббота и я был свободен от журналистских дел.

4

Утро следующего дня выдалось солнечное, погожее. В небе на восток плыли белые, словно мраморные облака. В зелени высокой акации, растущей неподалеку от крыльца моего

старого дома, слышалось пение скворцов. На верхушке среди сплетения ветвей находился скворечник. А внизу у штакетника разросся куст колючего шиповника.

В зелени резных листочков начинали краснеть плоды. Над крышами села, словно оранжевый бубен, плыло солнце. Я вышел на улицу и вскоре очутился возле дома Петра Егоровича. Открыл калитку и по дорожке, обнесенной кустами смородины, прошел к веранде. Дик меня встретил лаем, так как вполне справедливо посчитал за чужака, ведь в обычное время я не вхож в этот двор. На его залиvistый лай вышел хозяин.

– Проходи, Сашко, – гостеприимно встретил он меня.

– Где Наташа?

– И чем она тебя приворожила? – хитро прищурил он глаза.

– Я обещал ей показать дорогу на пруд.

– Вот оно, что, – усмехнулся мужчина и почти шепотом, предупредил. – Ты там гляди, чтобы без глупостей и баловства. Наташке сначала надо институт закончить.

– Наташа, к тебе пришли! – крикнул он в приоткрытую дверь. Из глубины дома до моего слуха донесся шум ее торопливых шагов. Девушка предстала все в том же розовом платье.

– Привет Саша! – произнесла она и улыбнулась. – Значит, не забыл о своем обещании.

– Не забыл.

– Я готова в поход.

Она взяла авоську с пледом и свертком. Мы вышли за околицу села. По сторонам проселочной дороги зеленели плантации виноградников с белыми столбиками шпалеры. Через час пришли на пруд. Когда поднялись на земляную плотину, то перед взорами открылась прямоугольная заводь. На глинистом, с одной стороны пологом берегу росла люцерна и зеленой лужайке были рассыпаны ее сиренево-фиолетовые соцветия. Вблизи паслись лошади, а на противоположной стороне урчала насосная станция, качавшая воду по трубам на овощную плантацию. Лошади подходили к срезу воды и жадно тянули ее губами, утоляя жажду.

– Они, наверное, кусаются? – спросила Наташа, опасливо озираясь на животных.

– Конечно, коль есть зубы, – улыбнулся я и поспешил успокоить. – Но красивых и добрых девушек они не трогают. Поэтому тебе ничего не угрожает.

В отдаленном месте пруда резво плескалась детвора из ближних сел. Подростки выбегали на сушу и с разгона бросались в прохладу, вздымая искрящиеся в лучах солнца брызги. В нескольких десятках метрах от них под плакучей ивой расположились юные рыбаки с ореховыми и бамбуковыми удилищами.

Наташа расстелила на траве плед. Смущенно поглядела на меня. Потом, стыдливо отвернувшись, сняла с себя легкое ситцевое платье и осталась в темно-сиреновом купальнике, плотно прилегающем к ее стройному и гибкому телу. Оставляя на мокрой глине у среза отпечатки своих маленьких ступней, попробовала воду.

– Ой, холодная! – вскрикнула девушка.

– В начале всегда кажется холодной, – заметил я и смело бросился в пруд. Она, словно птица, взмахнув белыми руками, последовала моему примеру. Весело засмеялась, разметав на голове светлые, как лен нити волос. Сверкали брызги в спектре радуги, солнце обнимало ее ласковыми лучами. Девичьи глаза сияли, излучая восторг. Я впервые увидел ее такой необыкновенной и загадочной.

– Наташа, плыви ко мне, – тихо позвал я и удивился нежности своего голоса. В нем прозвучали ранее неизвестные мне нотки.

– Я плохо плаваю, к тому же вода пресная, а не морская, соленая, – призналась она и вышла на берег. Легла на плед. Солнце быстро сжигало капельки на ее теле. Я расположился рядом.

– Знаешь, что надо для быстрого загара? – спросила она.

– Наверное, с утра до вечера томиться на солнцепеке.

– А вот и нет, – она достала из сумочки маленький баллончик с надписью «Крем для загара». Нажала пальцем на колпачок, из отверстия вырвалась шипящая струя. Наташа растерла крем на коже левой руки. Я следил за ее тонкими пальцами.

– Хочешь испытать? – улыбнулась девушка, и я кивнул головой. Она направила струю на мою и без того загоревшую руку. Потом бережно провела своей нежной теплой ладонью. Я с радостью ощутил прикосновение ее пальцев.

– Ты, наверное, проголодался? – спросила она. – У меня в авоське ранние яблоки, смородина и овощи...

Она высыпала на плед припасы, мы немного утолили голод. Перед нами, отражая безоблачно высокое небо, блистал пруд, поблизости, фыркая, паслись лошади.

С крутого склона с задорными возгласами спустилась ватага ребят. Полетели на траву сорочки, футболки, обувь. Среди них я увидел рыжеволосого с выцветшими бровями и веснушками на лице забияку Степку, сорви-голова.

– Кто там с тобой? – спросил он.

– Наташа, москвичка.

– Она красивая?

– Конечно, в столице живут красавицы.

Вскоре его внимание привлек красногрудый конь, пивший воду. Подросток осторожно подкрался к нему. Жеребец покосился на мальчугана, но, будучи стреноженным, не отпрянул в сторону. Дал себя погладить по шелковистой гриве. Было что-то по-есенински милое в этой картине: мальчишка и покорный конь, доверчиво склонивший голову с гривой к его рукам.

В стане рыбаков я заметил оживление. Доносились восторженные голоса. «Наверное, поймали пескаря?» – предположил я. Одному из мальчуганов, действительно, повезло. Когда я приблизился, то увидел на крючке сверкающего в лучах золотистого карася размером с ладонь. Снимая его, подросток с гордостью огляделся на обступивших его ребят.

– Давай меняться? – предложил я ему. Он недоверчиво взглянул на меня, и не найдя ничего в моих руках, спросил:

– На что будем меняться?

– На перочинный ножик.

– Годится, – согласился он. Я возвратился к своей одежде, достал из кармана недавно купленный в городе ножик. Подросток с любопытством осматривал его, гладил перламутровую ручку, щелкал лезвием.

– Меняйся Ванька, не прогадаешь, – подбадривали его сорванцы.

– Лады, – по-деловому произнес мальчуган и поднял из воды садок из сети и отдал карася, которым решил удивить Наташу, пожертвовав ради этого ножиком. Пока я нес рыбешку, она, поблескивая чешуей, норовила выскользнуть из моих ладоней.

– Наташа, погляди, золотая рыбка.

Девушка перевела взгляд с книги на мои руки и в ее глазах вспыхнуло детское любопытство.

– Пацаны выловили. В следующий раз придем сюда с удочкой. Дарю ее тебе, моя сударыня, – сделал я широкий жест и положил карася на ее белую ладонь. Пусть она исполнит любые твои желания, но при этом не забудет и обо мне.

– Точно, золотая, – рассмеялась она, наблюдая, как радужно переливается чешуя. Карась жадно хватал воздух, трепетал.

– Что мне с ним делать?

– Аквариума у нас нет, поэтому на сковородку со сметаной или отнесем твоему Диду на ужин, – предложил я. – Может, тогда он станет покладистым и подпустит к твоему заветному окну.

– Зачем тебе мое окно?

–Я буду петь серенады. И может, быть ты сжалишься и пригласишь в гости на «огонек». Готов всю ночь тебя охранять.

–У меня уже есть надежный сторож, – погрозила девушка пальцем. Потом обратила взор на присмирившую, словно догадавшуюся о приготовленной ей участи, рыбешку.

–Жаль губить такую красоту. Давай не будем меркантильны и отпустим ее в родную стихию?

–Давай, только не забудь загадать желание.

Наташа поднялась с пледа и подошла к воде. Взмахнула рукой и карась, описав дугу, большой золотой монетой погрузился в воду. Девушка с чувством исполненного долга подошла ко мне.

–Загадала желание?

–Да, успела.

–Какое?

–Очень хорошее.

–Я в нем присутствую?

Она вместо ответа своей изящной рукой, великодушно отпустившей рыбу, взъерошила волосы на моей голове. От ее таинственно нежного участия теплой волной окатило мое сердце. Я уткнулся губами в ее горячее плечо, попытался обвить талию руками.

–Наташа, Натали... – прошептал я и, загораясь, обнял ее за теплые плечи. Она выскользнула из рук и отбежала к воде.

–Если будешь приставать, то я попрошу рыбку, чтобы она превратила меня в русалку.

–А меня в Садко, – нашелся я с ответом. Она возвратилась и продолжила чтение книги, а мне все время хотелось чувствовать на себе ее взгляд. Увлеченный, охваченный азартом, я поплыл на середину пруда. Она по-прежнему была поглощена чтением любовного романа. «Ну, взгляни, капризная девчонка, ведь я стараюсь для тебя», – умолял я, поднимая брызги взмахами рук. Серебристая рябь колыхалась перед взором, слепило замершее в зените солнце.

Прокричали над головой, наверно, прилетевшие с Сиваша, белокрылые чайки. Выпрыгнув из глубины, сверкнула золотистой чешуей рыба. Должно быть, зеркальный карп или карась. Я пожалел, что не догадался прихватить с собой удочку. Пробыв немного в теплой, словно парное молоко, воде, я вышел на берег.

– Ты так увлечена книгой, что ничего не видишь вокруг.

–Очень интересная повесть «Звездопад» Виктора Астафьева. Может, когда-нибудь читал?

–Нет, не довелось.

– Тебе обязательно надо прочитать, если ты сам увлечен литературным творчеством, – с жаром заверила она. – Замечательный писатель, романтик и лирик, сибиряк. Также прекрасно пишут Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Солоухин и Василий Шукшин... Впрочем, есть много талантливых прозаиков и поэтов, у которых тебе полезно поучиться мастерству художественного слова.

–Сейчас ты моя Муза и учительница, – ответил я и почувствовал прилив нежности. – Лучше скажи, как действует крем?

–Хорошо действует, – улыбка тронула ее губы. Я увидел, что кожа на ее ногах, руках и плечах порозовела.

– Гляди, сгоришь и превратишься в смуглую южанку.

– Чудесно у вас в Крыму, – сказала она. – Много солнца и простора. В больших городах человек теряется в суете повседневных забот. А в селе все на виду. Но все же я люблю Москву, ее пригородные поселки, родное Селятино, что на калужском направлении. Подмосковье, особенно его леса, березовые и сосновые рощи, прекрасны. Обилие грибов, ягод и цветов – ландышей, фиалок.

Она говорила восторженно и этот восторг переливался в мое сердце.

– Мне не приходилось раньше бывать в березовой роще, – честно признался я. – А в Старокрымском лесу растут сосна, дуб, орешник, кизил, хмель и терновник. Береза, рябина и калина – великая редкость и то, если их высадили лесники для экзотики.

– Мой поселок расположен прямо в лесу. Во дворах растут березы и сосны, – продолжила Наташа. – По железной дороге часто мчатся электрички и поезда. Поездка до Киевского вокзала, что в Москве, занимает не более часа.

Я постоянно ловил себя на мысли, что мне приятно слышать ее голос, даже не вдаваясь в смысл сказанного. Подумалось, что мы давно знаем друг друга и лишь по какой-то причине не смогли встретиться пораньше. Но промолчал о своем открытии, чтобы не спугнуть ощущение и очарование тайной близости. К тому же боялся, что мое признание прозвучит фальшиво. Пруд, резвящаяся детвора, в солнечном ореоле лошади – все для меня стало необычайно дорогим и милым, будто увиденное в первый раз.

5

В село возвращались, когда солнце покатилося к закату. Серой пылью покрылись цветы на обочине проселочной дороги. Безмятежными глазами взирали в выцветшее небо синеголовые васильки и с ними соперничали желто-белые ромашки, розовые соцветия душистого горошка. Угасали, роняя алые лепестки с черными каплями, маки. Много их полегло под жаткой во время недавней уборки урожая пшеницы, ячменя, овса и других злаковых растений.

Наташа сошла на обочину и нарвала букет из васильков и ромашек. Я помог ей в этом занятии. Она присела на придорожный выбеленный дождями и согретый солнцем камень. Отдельно разложила васильки и ромашки и принялась сплетать венок.

– Ты и венки плести можешь?

– Конечно, я ведь не в первый раз приезжаю к дяде в село, – ответила она. – Мы тогда с тобой были подростками и ты меня не замечал. Заставлял волновать, ведь девочки, испытывая влечение, созревают раньше мальчишек.

– Глупый был, поэтому и не обращал внимания, – покаялся я.

Она быстро сплела венок и, расправив светлые шелковистые волосы, надела на голову.

– Ты, сказочная фея.

– Хочешь, и для тебя сплечу?

– Нет если бы лавровый или терновый, тогда другое дело, – заметил я с намеком на трагическую участь поэтов.

В селе было пустынно. Лишь со стороны клуба плыли звуки грустного вальса. Я проводил Наташу до калитки дома дяди Петра. Залаял черный пес, высунув свою потешную морду из-под куста смородины.

– Дик, свои, – окликнула его Наташа, пес прибежал, доверчиво завилял хвостом.

– Вижу, что вы подружились?

– Он меня слушается.

Девушка стояла по другую сторону калитки. Отворилась дверь и из веранды вышел Петр Егорович. Взглянул на меня с подозрением.

– Голодом себя заморишь. На следующее лето братец Иван не отпустит тебя в гости, – пожурил он племянницу. – Обед, поди, уже остыл, тебя поджидая.

И строго взглянул на меня, предупредил:

– Ты, Сашко, парень шалопутный, а Наташа девушка столичная. Смотрите мне, чтобы без разных шалостей и глупостей. Мне за нее перед братом держать строгий ответ.

– Дядя Петя, ну, что вы в самом деле, – упрекнула его Наташа и, обернувшись ко мне, тихо прошептала. – Спасибо.

– Это тебе, Наташенька, спасибо, – поспешно отозвался я, огорчившись, что не догадался первым поблагодарить ее за прекрасную прогулку. – Давай встретимся вечером?

Она ничего не ответила, наверное, смутившись присутствия строго дяди. Загадочно улыбнувшись, сняла со своей головы венок и ловко надела на мою. Этого было достаточно, чтобы в моем сердце запели струны. Я благодарно сжал ее теплую ладонь и придержал, не отпуская. Потом с сожалением смотрел, как она по дорожке, окаймленной цветущими выюнками, грациозно вошла на крылечко веранды.

Домой я шел, не чуя под собой ног. Было радостно и легко от сознания, что впереди много светлых и радостных дней, подаренных Наташей. Желтым лимоном катилось на запад горячее солнце.

Из палисадников веяло запахами цветов и яблок. Я остановился возле сруба старого колодца и поглядел в его глубину, из которой повеяло прохладой и громко крикнул:

– На-та-ша-а!

И из ствола по кругу облицованного грубым камнем-дикарем колодца, в котором я в пору детства утопил ни одно ведро, (старшему брату Виктору потом пришлось доставать с помощью «кошки»), донесся отзыв: «На-та-ша-а!»

На блестящем зеркале воды, куда с трудом проникали лучи солнца, и то в полдень, плавало несколько красных помидоров, оброненных вездесущими детишками. Затем подошел к высокой шелковице, прислонился к стволу и услышал в шуме листвы девичье имя.

6

Сама Наташа на пруд не ходила, то ли ей не понравился водоем, толи смущало близкое соседство стреноженных лошадей? Предпочитала загорать в саду или на задворках дядиной усадьбы. Я заметил ее любимое место на пологой крыше небольшой деревянной постройки, в которой у Петра Егоровича обычно хранились доски, плотницкий инструмент и садовый инвентарь. Двор, как у справногo хозяина, был огорожен плотным штакетником. Напротив сарая, приспособленного под баню, находились ярусные клетки с обитавшими в них кроликами. В огороде под высокими раскидистыми яблонями, осыпавшими почву подточенными плодoжоркой плодами, грузно переваливаясь, ходили сытые утки. Хлопанье их крыльев после купания в водоеме, разносилось по двору.

Девушка выносила им корм в большой миске и утки стремительно, тесня друг друга, работали клювами. Затем торопливо бежали к воде, а Наташа возвращалась к веранде. К ее ногам доверчиво ластился Дик.

Однажды я предложил ей перевести пса куда-нибудь подальше в глубь двора, чтобы мой приход он не выдавал лаем. Москвичка понимающе улыбулась, но перемен не произошло. Пес, по-прежнему, разгуливал по двору и с ревностью подстерегал мое появление у калитки.

Я смирился с тем, что природа выдумала собак, а человеку пришло на ум их приручить. Хотя в некоторых ситуациях Дик мне помогал. Когда мне очень хотелось ее увидеть, то я начал дразнить пса. Так было несколько раз, а потом, разгадав мой маневр, Наташа долго не выходила. Возможно, девушка украдкой наблюдала из окна, а когда появилась, то с иронией заявила:

– Я больше не буду выходить.

– Почему? – огорчился я.

– Ты ведь зовешь не меня, а Дика.

Мы рассмеялись. У меня появилась мысль выдрессировать пса, который, как у Есенина, доставлял бы девушке мои записки: «Но припомнил я девушку в белом, для которой был пес почтальон». Саднила сердце, сознание мысль о том, что скоро у Наташи заканчивается отпуск

и она возвратиться в свою Москву и поэтому от идеи с четвероногим почтальоном пришлось отказаться.

Вечером, возвращаясь с работы, я не мог не пройти мимо нашей калитки. Все ждал, не мелькнет ли случайно лиловое платье. Она часто подметала связанным из тонких гибких прутьев веником садовую дорожку, ведущую от калитки к крыльцу веранды. Увидел ее во дворе. Наклонившись гибким станом над деревянной, стянутой стальными обручами бочкой, Наташа стирала белье. Возле конуры дремал Дик.

Девушка услышала мои шаги и выпрямилась. Смыв с рук пену, поправила упавший на лоб локон. Улыбнулась, кивнув головой.

– Заморят тебя работой?

– Мне совсем не трудно, – ответила она и, наполнив тазик чистой водой, принялась полоскать белье. Выжала и развесила на веревке, зацепив прищепками.

– Наташа, приглашаю в кино, – предложил я.

– Хорошо, – согласилась она и, встряхнув мокрую блузку, приподнялась на носочки к натянутой струною веревке. Я заметил, как поползло вверх платье, обнажив стройные ноги до самых округлых бедер, и она стала еще грациознее. Легкий ветерок играл краями ее ситцевого платья. В этот момент я желал превратиться в ветер, чтобы иметь возможность прикасаться руками к ее нежной коже, гладить волосы и целовать губы.

– Я через пару часов загляну к тебе? Хватит времени на сборы?

– Вполне. Я косметикой не очень увлекаюсь, поэтому времени достаточно, – ответила девушка.

Дома я первым делом занялся экипировкой. Включил утюг и принялся старательно выглаживать синюю сорочку, которая, по словам сестры, была мне к лицу. Потом достал самый нарядный галстук. Удивительное дело, прежде я с трудом мог заставить себя погладить брюки, а сейчас это занятие доставляет удовольствие. В комнату зашла сестра и, застав меня с утюгом в руке, удивленно приподняла брови:

– Ты словно на свадьбу собрался. Может, праздник, какой?

– Решил культурно провести досуг, сходить в кино.

– Я тоже хочу посмотреть фильм?

– У меня всего один билет, – попытался я избавиться от сестры, чтобы не мешала.

– Не лги. Это ты для нее, Наташки, стараешься, готов лоб расшибить перед москвичкой, – смутила она меня своим напором.

– Отстань от меня, – рассердился я. – Заладила для нее, для нее. Просто настроение у меня хорошее, вот и одеваюсь.

– Не сердись, – прикоснулась она к моему плечу. – Я сама хочу, чтобы тебя любили девушки и особенно Наташка. Она красивая и добрая.

– Много ты понимаешь в любви, – отозвался я, довольный тем, что и сестре нравится столичная девушка. После нескольких попыток я завязал узел на галстуке.

– Давай я тебе сделаю модную прическу, – предложила сестра и аккуратно расправила густые и непокорные волосы.

В заголубевшее окно сквозь зелень акации пробилась первая звезда.

– Гляди, не опоздай, – предупредила она и лукаво заметила. – Если ты Наташку не поцелуешь, то не пуцу на порог. Ночуй с нею у дяди Пети на сеновале.

– Заночую под открытым небом, сейчас тепло.

7

Загустело темно-синей гуашью небо. За селом раскинут багрово-алый полог заката. Я смутно помню содержание фильма проецированного на экран летнего кинотеатра. В моей руке

теплилась Наташина ладонь. Она оборачивала милое лицо, наши взгляды мгновенно встречались и расходились. Все скамейки в клубе были заняты, а в небо вкраплены крупные и чистые, как хрусталь звезды. Из клуба мы возвращались по темным, с редкими фонарями улицам села. Из темноты доносились голоса, смех и визг. Виднелись очертания старого колодца с бревенчатым срубом у левого ряда домов.

– Почему молчишь? Расскажи что-нибудь забавное, веселое из сельской жизни, – попросила Наташа. Бессвязные мысли путались в голове. Я не отпуская ее теплой руки.

– Плохой из меня рассказчик, – признался я. – У тебя, наверное, больше впечатлений. Живешь и учишься в большом городе.

Она весело рассмеялась. Свет от фонаря упал на ее волосы, затрепетал на длинных ресницах.

– Понравился тебе фильм? – поинтересовалась она.

– Не знаю.

– Почему не знаешь?

– Потому что все время смотрел на тебя.

Я почувствовал, что Наташе понравился мой ответ. Она доверчиво поглядела на меня и сообщила:

– У тебя душа и сердце лирика.

– И лириком станешь, и романтиком, когда рядом такая очаровательная девушка, – признался я. Мне казалось, что время для нас остановилось: я видел лишь серые девичьи глаза, чувствовал теплые руки и слышал ласковый голос. И вдруг решил блеснуть своими научными познаниями, завел разговор о философии. Она внимательно слушала, наклонив голову, потом спросила:

– Скажи, философ, кто основоположник политэкономии?

И засмеялась, моей дремучести.

– Английский экономист Адам Смит, – сообщила она и посетовала. – Меня этой политэкономией совсем замучили, хотя в институте профильными считаются точные предметы.

– Ради тебя я тоже выучу политэкономия.

– Зачем ради меня, она тебе пригодится, – произнесла она и присела на нашу скамейку под ореховым деревом. Теплая ночь окутала село гулкой тишиной. Воздух был насыщен ароматом цветов и яблок. Из приусадебных садов и палисадников незримо волнами наплывали их пьянящие запахи. В уголках Наташиных губ затаилась сдержанная улыбка.

– Наташенька, милая, хорошая, – невольно вырвались у меня из груди заветные слова. Я осторожно, робко поцеловал ее в полуоткрытые губы, положил ладонь на ее упругую теплую грудь.

– Пусти, не надо, – прошептала она, когда я, осмелев, крепко обнял ее, целуя волосы, глаза, губы.

– Какой ты несдержанный? – без осуждения сказала она, взъерошив мою прическу рукою. – Человек должен уметь управлять своими чувствами и желаниями, а не отдаваться первым порывам страсти.

– А я не хочу.

– Что ты, не хочешь?

– Управлять и сдерживать.

– Ребята все такие. Стремятся быстро достичь цели, а потом теряют интерес. Вот смешной, – она провела ладонью по моему лицу. – Почему ты грустишь, редко улыбаешься? Или, как у Лермонтова, мне грустно потому, что весело тебе?

Мое лицо просияло улыбкой, потому, что каждый ее жест, каждое слово были исполнены очарования. Наташа осознавала свою власть, магию надо мной, но проявляла завидную сдержанность и скромность.

Коротки июльские и августовские ночи с ярким падением звезд. Об этой поре говорят, что солнце с луной встречаются, как жених с невестой.

– Наташа, ты в какой комнате спишь? – удивил я ее вопросом.

– Зачем это тебе?

– Хочу всю ночь сторожить твой покой, чтобы снились только цветные, приятные сны.

– Ах, размечтался, так я тебя и пустила в свою горницу. К тому же мимо спальни дяди Пети невозможно пройти, да и Дик настороже.

– А ты открой окно.

– Нет, Дон-Жуан, к тому же уже светает, – произнесла она, бросив взгляд на восток, где порозовела, наливаясь пунцовым цветом, изломанная верхушками деревьев, линия горизонта.

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет

И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»

—прочитал я строфу из есенинской «Анны Снегиной».

– Вот именно, Саша, не торопи события, иначе наши отношения могут потерять свою красоту, трепетность и очарование. В жизни ценится лишь то, что дается трудом. Ой, заругает меня крестный.

Наташа была трогательно-милой в своем смятении. Тишь необыкновенная, какая бывает, разве что в предрассветные минуты. Вдруг из отдаленного края села донесся нерешительный вороватый крик петуха, наверное, нарушившего традицию в петушиной епархии. Мы прислушались. Лишь мгновение царил тишина, а потом началось. То с одного, то с другого двора слышалось пение.

– Чудесно, – прошептала она и вдруг спохватилась. – Я пойду.

– погоди еще минутку, – удержал я ее за руки и бережно обнял за тонкую талию. – Завтра мы с тобой увидимся?

– Это завтра уже наступило, – засмеялась она и ловко выскользнула из кольца моих рук. – До свидания.

– До встречи, милая.

Она ушла, оставив мне надежду на новое свидание. Село просыпалось, заполняя тишину звуками. В Наташиной комнате вспыхнуло и погасло окно. Приятных тебе снов, родная москвичка.

Приближался день отъезда Наташи в Москву. Чем меньше времени ей оставалось пребывать в селе, тем пасмурнее становилось у меня на сердце. Но так устроен мир, что после встреч неизбежна разлука.

8

В апреле совершенно неожиданно меня за усердие на творческой ниве редактор газеты белокурая сибирячка Полина Иннокентьевна Иванова поощрила недельной путевкой на ВДНХ в Москву. Не исключая, что во время пикников, на которых пронзительно-грустно исполняла песню на стихи своего знаменитого земляка со станции Зима Евг. Евтушенко «Идут белые снега, как по нитке скользя. Жить и жить бы на свете, да наверно, нельзя», я проговорился о Наташе или она по моим лирическим стихам узнала о наших отношениях. Как знать?

Накануне я получил бандероль и по почерку определил, что от Наташи. Развернул жесткую серую бумагу и увидел книгу в белом переплете Ярослав Смеляков «Работа и любовь». Перелистал страницы и обнаружил открытку с аккуратной надписью: «Сашенька, милый! Еще

раз поздравляю тебя с праздником. Я надеюсь, что эти стихи тебе понравятся. Пиши, я очень жду твоих писем. Наташа».

Словно услышал ее милый голос, одаривший меня волною нежности. Позже в книге меня особенно восхитило стихотворение «Милые красавицы России» со строфой: «Мы о вас напишем сочиненья, полные любви и удивленья» и тут же последовал этому обещанию – сочинил стихотворение с эпиграфом из стихов Николая Рубцова «Наверное, ты гордишься, что поэт». На что я с пылкостью ответил:

*Я вдребезги готов разбить всю славу
Лишь за один сияющий твой взгляд.
В своих стихах, простых и величавых,
Воспеть тебя я бесконечно рад...*

И далее в таком же духе. Стихи, трогательно-наивные тогда мне представлялись чуть ли не шедевром. О славе, которую ради возлюбленной я готов был разбить, лишь мечталось. Но кто из нас в юные и молодые годы не был романтиком. Волновала предстоящая встреча с Москвой. До этого мне ни разу не довелось побывать в белокаменной. Искренне обрадовался возможности увидеть столицу, навестить брата Виктора, работавшего в НИИ и жившего Обнинске – городе ученых и энергетиков, где в 1954 году была построена первая в мире АЭС, и, конечно же, побывать в гостях у Наташи.

Брат встретил меня на перроне Курского вокзала. После долгой разлуки тепло обнялись. К Виктору, а также к старшей сестре Алле, я испытывал особое уважение, ибо в сложные для нашей семьи годы, когда матери самой приходилось нас, меньших, поднимать на ноги, они отрывали от себя последнее и делились с нами. Брат первым делом провел меня на Арбат и попотчевал в одном из ресторанов, а в последующие дни познакомил с достопримечательностями столицы: Кремлем, Красной площадью, ГУМом и другими историческими сооружениями.

Адаптировавшись к атмосфере большого города с непрерывными потоками людей и транспорта и, поплутав по кольцевой и радиальным линиям метрополитена, я доехал до ВДНХ и посетил несколько павильонов, в т. ч. «Космос» и «Сельское хозяйство» с экспонатами о достижениях науки и техники. Вооружился материалами и впечатлениями для серии репортажей под общей рубрикой «С главной выставки страны».

Один день вместе с Виктором, заядлым рыболовом и грибником, посвятил рыбалке на реке Протве, а второй – сбору грибов в лесу, подступившему к самому городу, а точнее, городу, наступающему на березовые и сосновые рощи. Брат выразил признательность за подаренный ему двухтомник Сабанеева «Рыбы России» и в свою очередь вручил мне сборники произведений советских поэтов.

За сутки до отъезда я отважился навестить Наташу. По адресу на конверте отыскал, расположенный поблизости от станции, пятиэтажный дом с березами и соснами во дворе. Остановился перед дверью и с волнением нажал на кнопку звонка. Услышал шаги и в следующее мгновение дверь отворилась, я увидел среднего роста мужчину.

– Наташа здесь проживает? – упредел я его вопрос.

– И не только Наташа, – усмехнулся он. – А вы, наверное, ее крымский дружок, журналист?

– Да, мы с ней дружны.

– Дочка-а, встречай гостя, – позвал он и сразу же она появилась. С удивлением остановилась, взирая на меня. Потом с радостью укорила:

– Саша, какой сюрприз! Почему не сообщил? Я бы тебя обязательно встретила на вокзале.

Без оркестра, но с цветами, – пошутила она.

– Меня встретил брат, а тебя решил не отрывать от работы и учебы.

– Проходи, не смущайся, – пригласила Наташа.

– Давай, Александр, за стол. Поди, проголодался с дороги, – велел Иван Егорович и наполнил рюмку коньяком. Выпили за знакомство и после трапезы он сообщил:

– Отдаю тебя в распоряжение Наташи. Дочка, покажи гостю наш поселок. Может, прикипит сердцем к березовому краю и оставит свой Крым, хотя с юга редко кто уезжает.

Мы с Наташей вышли из дома.

– Замечательно, что ты приехал, – призналась она.

– Выпала путевка и сердце позвало.

Мы вышли со двора мимо бетонной ограды.

– На этом заводе я работаю крановщицей, – сообщила девушка. И проследив за жестом ее руки, я увидел порталный кран и другие сооружения. А чуть в стороне группу березок.

– Я хотел бы в память о нашей встрече взять саженцы березки и посадить у калитки своего дома, – сказал я. Наташа улыбнулась. Похоже, что ей понравилось такое предложение, но с грустью заметила:

– Нет гарантии, что они приживутся. Если бы раньше или поздней осенью до движения сока. А сейчас березы уже выпустили сережки.

Мне пришлось отказаться от задуманного. Я с сожалением осознал, что не могу увезти домой маленькую частицу подмосковного леса. Мы углубились под сени деревьев. Наташа остановилась у дерева и сняла тонкую полоску с коры. Вдруг встрепенулась.

– Ей, наверное, больно, – упрекнула девушка себя и ласково провела ладонью по кое-где шершавому стволу, будто извиняясь перед березкой. Мне было приятно видеть эту перемену в ее настроении.

Выросшая в «краю березового ситца», Наташа интуитивно понимает, насколько природа ранима и ей необходима гармония. Меня влекло к девушке, хотел признаться ей в любви, но опасался, что слова прозвучат фальшиво. Не хватало смелости взять Наташины руки, открыто посмотреть в глаза и сказать: « Я тебя люблю».

Сгущались сумерки, заполнявшие синей гуашью пространство между березами. Наташа была загадочна и задумчива и вдруг поразила меня откровенностью:

– Ты не любишь меня. Просто придумал себе символический образ, которому поклоняешься. Для творческих людей это типично.

– Я приехал ради тебя, – только и смог ответить на ее сомнения. Наташа молчала. «Что сделать, что сделать, чтобы она поверила в искренность чувств», – мучительно думал я, вспомнив вдруг стихотворение Евг. Евтушенко «Ты большая в любви, ты смелая, я робею на каждом шагу. Я плохого тебе не сделаю, а хорошее вряд ли смогу...».

– Ты очень самолюбив, эгоистичен, – произнесла она. По интонации ее голоса понял, что ей нелегко было сделать такой вывод. Она высказывала то, что запало в сердце, а значит, с долей истины.

– В письмах ты редко признавался в любви, – продолжила Наташа.

– Разве об этом следует напоминать часто?

– Да.

– Хорошо, впредь учту, – я попытался обнять девушку за плечи и ощутил трепет ее упругого тела. Но она вдруг отстранилась:

– Не надо, Саша. Эти игры приятные, сладкие, но очень опасные.

– Наташенька, я не могу без тебя.

– Не мучайся, – заботливо произнесла она. – Пройдет время, ты забудешь обо мне. Первая любовь подобна сказочному сну, но не забывай, что есть такие мудрые строки у Евтушенко: «Очарования ранние прекрасны, очарования ранами опасны...»

Это и о нас с тобой, чтобы жили не только чувствами, но и прислушивались к разуму. Я хочу, чтобы наша первая любовь осталась чистой и бескорыстной...

– Да, ты права, – смирился я. На небо высыпали редкие звезды. Мы возвращались в поселок. «Как все получилось нелепо. Возможно, у Наташи появился приятель из однокурсников, более достойный ее руки и сердца. Или ее родители против продолжения наших отношений», – с огорчением размышлял я в этот последний вечер перед отъездом.

Всю дорогу до Наташиного дома прошли, словно чужие, какая-то невидимая стена выросла между нами. У освещенного плафоном подъезда девушка остановилась. Я не решился сделать шаг.

– Так и не подойдешь? – спросила она. Я крепко обнял ее и поцеловал в губы. Резко повернулся и пошел, словно пьяный от переполнявших меня чувств. Надо было успеть на электричку, чтобы доехать в город к брату. В висках напряженно пульсировала кровь. Я боялся поверить, что это наша последняя встреча и больше не придется целовать ее губы, ощущать тонкий запах волос, тонуть в глубине ее серых глаз.

Время перевалило за полночь, когда к станции подошла последняя электричка. И здесь я увидел на перроне одинокую девичью фигуру и узнал Наташу. С радостью подбежал к ней, взял за руки.

– Чуть не опоздала, – произнесла она, прерывисто дыша, вручила мне букет цветов. – Прости, Саша. Я почувствовала вдруг, что мы расстаемся навсегда. Это тебе на память.

Она положила в мою ладонь маленькую медную литеру Н.

– Не может этого быть?

– Может. Мы с тобой это понимаем, но не хотим поверить, – уже на ходу я услышал ее признание. Вбежал в пустой вагон и, стоя у окна, ответил на прощальный взмах ее руки. В душе было пусто, как после невозполнимой утраты.

Старался понять, что же произошло? Легко с человеком встретиться, но как порою, тяжело расстаться. Я вспомнил выражение Наташиного лица в момент неожиданного признания и попытался найти ответ в ее глазах. Над человеком властвуют законы, неодолимые силы природы, которым он, против своей воли и разума, вынужден подчиняться. Но ведь за любовь идти в сражения надо всем преградам жизни вопреки. Только то, что дается трудно – прекрасно и свято, как сама любовь. Почему тогда он отступил?

Может, действительно, как подметила Наташа, причина в моем эгоизме и замкнутости, в боязни выглядеть смешным. Я уставился в свое отражение в темном стекле. Мысли возникали вспышками зарниц и мгновенно гасли. В забытьи я чуть было не проехал мимо своей станции. А потом медленно брел по ночному городу в неоновом свете огней. Прокричала вдали электричка, ее шум утонул за темным лесом. В ее крике было что-то таинственно-тревожное.

9

На следующий день московский поезд увозил меня на юг. С Наташей я так и не встретился. В вокзальной сутолоке очень хотелось ее увидеть, подойти, бережно взять за руки и уже не отпускать их. Из репродуктора звучал ровный женский голос, объявлявший посадку и отправление поездов и пригородных электричек. Перед выходом на платформы светились цифры на световом табло. У справочного бюро и касс толпились пассажиры с чемоданами, баулами и сумками. Курский вокзал жил в обычном режиме, точно и четко принимал и отправлял людей. Ему не было никакого дела до того, что одних он разлучает на короткое время, а других – навсегда. Хотя после разлук дарит и радость встреч, что часто можно видеть на перронах.

Дорога у меня всегда вызывает чувство непреходящей грусти и боли. Вот и теперь, сидя у окна плацкартного вагона, я гляжу на проплывающие перелески. В прямоугольнике окна, словно на экране телевизора, меняются кадры. Бревенчатая изба, огороженная плетнем, стайка изящных берез, несколько буренок и коз, пасущихся на лужайке и девчонка с приветливыми взмахами руки.

В мое сердце вошли эти милые пейзажи среднерусской земли. Блеснула широкой гладью река. Замелькали стальные конструкции большого моста. Он загудел под тяжестью состава.

– Переезжаем через Оку, – сообщил сосед, феоdosиец Николай Петрович. Я успел познакомиться с этим разговорчивым, как и большинство жителей курортных городов, стариком. Он пенсионер, гостил у брата в Москве. Второй попутчицей была женщина средних лет, швея одной из столичных фабрик. Она ехала в ялтинский санаторий лечить астму.

– Если доведется побывать в Феодосии, то непременно посетите музей Александра Грина и картинную галерею Ивана Айвазовского. В ней самое большое собрание полотен великого мариниста. А в Ялте – музей Антона Чехова, Ливадийский и Воронцовский дворцы, – советовал ей Николай Петрович. Потом, как всякий южанин, не без гордости, принялся расхваливать золотые пляжи.

Вскоре попутчики увлеклись игрою в карты, а я решил написать Наташе письмо. Положил на обложку книги чистый лист бумаги. Буквы прыгали, стремясь угнаться за мыслями. «Наташенька, прости, я тебя обидел. Но поверь, что и мне не легче, ибо мы связаны незримыми нитями. Я буду жить твоей и своею болью».

Я оторвал взгляд от бумаги. Поверит ли она, а может равнодушно прочитает это письмо, как хронику чувств неудачника. Ручка выводила: «Любовь проверяется временем и расстоянием. Мне всегда было хорошо рядом с тобой. Я не смогу тебя забыть и буду счастлив, если хоть эту радость ты оставишь мне». Старательно продолжал вверять бумаге свои чувства, завершив рукопись стихами:

*Мне хотелось с тобой заблудиться
В белоствольном, чудесном лесу,
Где поют удивительно птицы
И березы на каждом шагу.*

Монотонно стучали колеса на стыках, слегка раскачивался вагон. Дописал страницу и решил бросить письмо в почтовый ящик во время стоянки на ближайшей станции. Остановки были короткие, решил не рисковать.

Ощувив голод, зашел в вагон-ресторан. Лучи предзакатного солнца проникали в окна. Вина в бокалах искрились малиновым цветом, отсвет ложился на отполированную поверхность столиков, за которыми трапезничали мужчины и женщины.

Я заказал себе двести граммов Алиготе и бутерброды. Выпил и попросил еще, понимая, что хмель меня не берет. «А надо ли мне отправлять это письмо? Не расценить ли она его, как проявление слабости? Посмеется над наивностью деревенского хлопца и не сочтет обязательным дать ответ», – закрались в мое сознание сомнения. – Не надо торопиться. Все равно, рано или поздно я возвращусь в Подмоскowie. Мне необходимо будет ее увидеть, пусть даже издалека.

Я приду в знакомый лес, к березам с изумрудными подвесками сережек, к соснам с терпким запахом хвои, которые запомнили нашу встречу. Только им поведаю о своей грусти и боли. Обниму белоствольные березки. Может, когда-нибудь Наташа пройдет мимо них и березки остановят ее шумом своей листвы. И у нее защемит сердце о дорогом и прекрасном. Она бережно прикоснется к березке и вспомнит».

Проплывали за окном в вечерних сумерках леса, а в оранжевом свете огней – поселки, станции и полустанки.

Откликались гудками встречные поезда. В моем сознании запечатлелся милый облик и затеплилась надежда. Я приоткрыл окно, ветер дохнул в лицо прохладой вечернего леса, запахами хвои и грибов.

* * *

Минуло двадцать лет. Однажды, перебирая старые, рассыпанные по блокнотам записи и письма, я нашел несколько Наташиных посланий и пожелтевшие листки с первыми отрывками незаконченной тогда лирической повести.

А вот это неотправленное письмо, на пожелтевшем от времени листке и вдохновило меня на завершение произведения, толи лирической повести, толи новеллы.

«Здравствуй, мой ангел, моя милая, солнечная Наташенька! Минуло столько лет, а я все не могу тебя позабыть. Все так свежо и ярко, словно мы расстались лишь вчера. Я отчетливо помню каждое твое слово, вижу черты твоего милого лица. Нет, я тебя не придумал. Действительно, после тебя я уже не смогу любить так искренне и сильно. Мне очень жаль, что в тот последний вечер на пустынном перроне так грустно расстались, до конца не разобравшись в своих чувствах и не объяснившись. Воспоминания о том вечере больно отзываются в моем сердце и никакое время неспособно излечить эту щемящую боль. Ибо самые первые, светлые и трепетные ощущения любви сопровождают человека всю жизнь. В радостные, да и в горькие минуты он постоянно возвращается в пору своей юности и молодости. Они очищают его душу от всего мелочного и пошлого, заставляют быть благородным и бескорыстным.

Грустно становится от осознания того, что живешь не так, как мог бы жить рядом с тобой. Первая неудача сломила, обожгла крылья, данные человеку для полета и вдохновения. Подобное происходит и со мной, когда мысли уводят в светлую очаровательную пору наших свиданий. Каждая встреча с тобой была исполнена красоты и таинства в сладком прикосновении губ, рук... Если бы ты знала, с каким нетерпением и надеждой я ждал этих встреч, окунаясь словно в золотой омут.

Все растаяло, прошло, как «с белых яблонь дым», но я верю, что будучи с другим, ты не забудешь наших прогулок на пруд и в весенний лес, где нас встречали березки с подвесками изумрудных сережек и нежным пением птиц.

В лесу царила весна, восхищая красотой зеленеющих листьев, запахами ландышей и фиалок. Все было наполнено и очаровано тобой. Ты убегала, обнимая стволы березок, и смех бубенцами катился по лесу, словно ручеек с камешка на камешек. Прости, что в тот наш последний вечер мы не смогли понять друг друга. У меня не хватило смелости остаться в твоём поселке, чтобы уже никогда не расставаться.

Искренне благодарю тебя за радость и очарование первой любви, светлой и чистой. Александр».

Из-за опасения, что это прощальное послание может случайно попасть в чужие руки и в какой-то степени скомпрометировать Наташу перед супругом, оно осталось не отправленным. Да и место проживания девушки в лилово-розовом платье могло измениться. Мысли о ней постоянно жили в моем сердце, вызывали беспокойство из-за нереализованного долга. Собственно, это ощущение не оставляет и теперь, несмотря на то, что прошли годы и все должно было раствориться в тумане времени, скрыться за наслоениями других событий. Но таково свойство памяти: до поры, до времени беречь сокровенное.

Вновь нахлынуло, обдало свежестью, ощущением омытых дождем цветущих черемуховых зарослей, тонких лесных запахов Подмосковья, трав и цветов знойной присивашской степи. Отчего? Может, запела, долгое время молчавшая, потому, что смычок был потерян, струна? Но найден ли он теперь и не Наташа ли его сберегла? Кто виноват, что мы надолго потеряли друг друга из виду и даже письма – этот мостик, соединявший сердца, разрушило весеннее половодье. Никто первым не решился его восстановить. За почти сорок лет размыло, отодвинуло бурными потоками берега. Как сложилась твоя судьба сероглазая девушка? Работашь инженером на заводе, ушла в науку после окончания престижного вуза – МВТУ имени Н. Баумана, взлелеявшего многих конструкторов, космонавтов, имеешь заботливого мужа и милых детей?

Конечно, я мог бы получить ответы на эти вопросы, однажды приехав на станцию первой любви. Но нужна ли эта встреча ей? Не исчезнет ли после этого светлое чувство ожидания, радость и чистота прежних встреч, не потревожу ли ее привычной жизни? Я не могу принять окончательное решение и лелею надежду о том, что встреча произойдет случайно. Впрочем, не буду загадывать. Может, теперь я сумею с легким сердцем завершить повествование? Вряд ли. Оно продолжается во мне музыкой весеннего березового леса, полуденным зноем южного солнца над золотым жнивьем, шелестом листвы и хороводом полевых цветов.

*Ромашку, василек синеголовый
В венок влетает девичья рука...*

Все очаровано, одухотворено ею, девушкой в лиловом платье с подмосковной станции Селятино. Мы с ней смогли, как драгоценный, хрупкий сосуд, сберечь красоту и чистоту первой любви.

У ОЗЕРА ЛЕБЕДИНКИ

Задолго до рассвета меня разбудил старший брат Виктор. Сон нехотя отпускал из своего плена, но я все же разлепил ресницы. В комнате было сумрачно. Стекла в переплетах окна затянуты синей слюдой. Бледный лунный свет проникал в комнату, постепенно проявляя контуры и очертания стола, стульев, швейной машинки немецкой фирмы «Zinger», которую еще после освобождения Крыма местное начальство вручило матери нашего многодетного семейства в качестве трофея. Корова и эта трофейная машинка помогли матери в трудные послевоенные годы прокормить нас, пятерых детей.

– Вставай, вставай! – тронул меня за плечо брат. – Перед рассветом, как раз хороший клев. Надо успеть, до озера четыре километра.

Я вспомнил, что еще с вечера мы договорились с Виктором и свояком майором в отставке Геннадием пойти на рыбалку. Брат, юность которого пришлась на пятидесятые годы, когда основным средством передвижения были собственные ноги и лошади, исходивший окрестности, наверное, извлек из своей памяти информацию о небольшом водоеме, расположенном у села Лебединка. Вечером они с Геннадием приготовили особую приманку из смеси макухи, теста и прочих компонентов. От нее исходил приятный запах, вызывавший аппетит.

– Даже сонный и ленивый карась не устоит перед соблазном отведать этот деликатес и тут же попадет на крючок, – с уверенностью, присущей бывалым рыбакам, заявил майор. – Так что уха, если не из рыбы, так из петуха, нам, ребята, в любом случае гарантирована.

– Мы соберем в дорогу провиант, а ты поторапливайся, – велел Виктор и вышел в сени. Мысль о рыбалке, которой я заразился с малых лет, тугой пружиной вытолкнула меня из теплой постели. Быстро по-солдатски оделся. В сенях Виктор и Геннадий заканчивали укладывать в походную сумку припасы и плоскую флягу с крепким напитком.

«Значит, рыбалка будет на славу, коль соблюдается традиция», – успел подумать я. Умылся холодной водой и сон, как рукой сняло. Радовало, что предстоит интересный с впечатлениями и азартом рыбной ловли день. Что и говорить, а рыбалка, будь то на берегу моря, речки, озера или пруда, в любую пору года это здорово! Прелесть этого занятия может оценить лишь тот, кто хотя бы однажды поймал на удочку или спиннинг рыбу. Пусть даже мелкого пескаря.

Самому мне доводилось рыбачить на отводах Северо-Крымского канала, когда вместе с водителем редакционного УАЗа Василием Ивановичем мы отправлялись в командировку в хозяйства на рисовые чеки. Он, будучи заядлым охотником и рыболовом, всегда держал в автомобиле две – три удочки и закидушки на случай, если поблизости окажется водоем, те же каналы для сброса днепровской воды в озеро Сиваш.

Под занавес рабочего дня, управившись с редакционным заданием, мы, раздобыв дождевых червей где-нибудь у фермы, два-три часа, в зависимости от клева, посвящали рыбалке. Карась, схватив наживку и положив поплавок их гусиного пера на поверхность воды, норovil утащить крючок и камыши. Поэтому приходилось держать ухо востро, быстро подсекать и вытаскивать рыбу на берег, иначе крючок прочно застревал в камышах. Не припомню случая, чтобы мы с Василием остались без улова карасей или карпов.

В иных ситуациях не было свободного времени из-за необходимости оперативно готовить репортажи, статьи, очерки и зарисовки о людях труда в районную газету. Совсем по-другому складывалась ситуация, когда летом в отпуск в родное село приезжал Виктор. Я подметил, что творческие люди, занимающиеся искусством, литературой, наукой и другими видами интеллектуального труда, как впрочем, и военные, очень тяготеют к рыбной ловле или к охоте на дичь. Брат в ту пору работал научным сотрудником в лаборатории НИИ сельскохозяйственной метеорологии в Обнинске, а Геннадий после службы в Группе советских войск в ГДР, вышел в отставку и полностью заболел рыбалкой.

Вчера я видел, с каким усердием Виктор налаживал удочки, прикреплял тонкую зеленоватого цвета японскую леску, поплавок, свинцовое грузило и крючки, завязав их крепким узлом. По прибытию в село, он первым делом обследовал окрестности в поиске озер, прудов, ставков и других водоемов, где могла бы водиться рыба. После прокладки Северо-Крымского канала и сооружения мелиоративных оросительных сетей появилось множество водоемов. В сознании брата сформировалась географическая карта местности в радиусе двадцати-тридцати километров с условными обозначениями озер, рек, прудов.

Хлопоты о предстоящей рыбалке захватили и меня. Благо – два выходных дня и их следовало провести на лоне природы с вдохновением и пользой. Подальше от мирской суеты.

– Недосуг, позавтракаем на месте, – произнес Виктор и взял в левую руку сумку с провиантом, а я взял удилища и садки из мелкочейистой сети. Геннадий навьючил на плечи тяжелый рюкзак с рыбацкими принадлежностями. Не ведая о том, есть ли в водоеме рыба и каких видов, он носил с собой все имеющиеся в арсенале снасти, предназначенные для ловли, даже самых экзотических морских и океанических рыб. И на сей раз, не изменил этому правилу.

– Гена, зачем ты каждый раз берешь с собой этот склад? Достаточно удочки и спиннинга, – тщетно увещевал брат. – Бредешь, как навьюченный верблюд, больно смотреть.

– А вдруг там водятся щука, сом или какая-нибудь диковинная рыба? Да те же раки требуют особого внимания, – заявлял с загадочным блеском глаз майор. – Что ж прикажешь их голыми руками брать. Нет, Виктор, своя ноша плеч не давит. Надо соблюдать ритуал. Лучше я поднатужусь, чем потом огорчаться и сетовать.

Из веранды мы вышли во двор. В небе сверкали прозрачные июньские звезды. Словно шляпки серебряных гвоздей, вбитых в бархат неба.

На востоке за дымчато-лиловой линией горизонта занималась заря. Над крышей отчего дома, невысокой печной трубой пролегал Млечный путь с россыпями звезд, словно кристаллами, просыпанной чумаками с дырявых обозов, сивашской соли. С веток высокой акации, растущей у окна, за ночь осыпалось много белых лепестков, запорошивших землю. В воздухе витал сладковато-приторный запах акации. В клумбах, старательно ухоженных матерью и младшими сестрами, дремали цветы разноцветные астры, гвоздики, ромашки... В саду от раскидистых вишен с созревающими ягодами ложились тени. Возле собачьей конуры зазвенел цепью черной масти Джек. Подал, свой звонкий голос, но признав нас умолк. Я потрепал его по мохнатому загривку.

Село спало под пологом неба и сенью деревьев. Робко начали заводить перекличку петухи, проявляя вокальные способности. Мы вышли за околицу и свернули на проселочную дорогу. С правой ее стороны абрикосовая лесополоса, с левой – море овса. Прибавили шаг, с наслаждением вдыхая свежие струи воздуха. В остях овса бриллиантами поблескивали

капельки росы. Прошуршав крыльями, над полем взмыла птица, похоже, что перепел, так как дрофа крупная и является редкостью. Пролетела несколько десятков метров и затаилась.

Озеро, взойдя на пригорок, мы увидели издалека по его блестящей, словно ртуть, глади. Вблизи от зеркала воды на возвышенности расположилось село Лебединка с аккуратными домами под шифером. Я знал, что в километре от него находится еще одно селение Варваровка. Удивился резкому контрасту в названиях. Возможно, когда-то лебеди из заповедника Лебяжьих островов, что в Каркинитском заливе Черного моря, случайно прилетели сюда, что и послужило поводом для столь красивого поэтического названия.

– Вот оно лебединое озеро, – преувеличив достоинство водоема, произнес Виктор, когда мы подошли к пологому берегу и вместо величавых и гордых белых птиц увидели сытых гусей, индюков и уток с оперившимися выводками. Из камышей и травы дружно попрыгали в воду лягушки. А влажная почва была истоптана копытами коров, овец, коз и прочих домашних животных. В мое сознание закралось опасение: есть ли вообще здесь рыба?

– Ни лебедей, ни рыбы, – посетовал я. – Если и была, то ее коровы съели. Остались одни головастики и лягушки для гурманов.

– Не отчаивайся. Что главное в рыбалке? – с иронией спросил брат и сам же ответил. – Спортивный интерес, азарт охотника.

– Ради этого мы и поднялись в такую рань, – подтвердил Геннадий и снял с плеч тяжелый, килограммов на восемь, армейский, цвета хаки, вещмешок. Положил его на зеленую траву, развязал. И начал поочередно выкладывать рыбацкие снасти: коробки с крючками, катушки с лесками, маленькие и массивные грузила, отрезки сети и водонепроницаемый общевойсковой защитный комплект ОЗК – мечта любого охотника и рыбака. А также несколько видов приманки, изготовленной по особым рецептам для ловли карася, окуня, щуки и других видов пресноводных.

– Ну, теперь держись, рыба! Гена настроен все озеро выгрести, – пошутил Виктор, давно привыкший к неизменному ритуалу майора. Выбрав места и наживив крючки, мы с братом забросили лески в воду. Держа удилища, внимательно следили за поплавками. А майор все еще раскладывал свое имущество, словно был занят инвентаризацией. Сиганувшие в воду лягушки, собравшись на противоположном берегу, устроили какофонию. Высовывались на поверхность, вытаращив глаза, взирали на пришельцев с удилищами.

– Было бы сколько рыбы, сколько этих солистов, – сказал я, вспомнив, как на уроках анатомии мы пугали девочек лягушками, обреченными на препарирование. В классе тогда стоял крик и визг.

– Здесь воды, наверное, по колено, нерестилище для лягушек и жаб, – посетовал я, взирая на неподвижный поплавок. Солнце к этому времени выплыло из-за горизонта и окрасило воду ярко-багряным цветом. Я не заметил, как подошел подросток в возрасте тринадцати-четырнадцати лет с вихрастым светлым чубом и с удочкой в руке.

– Напрасно время убиваете, ничего не поймаете, разве, что мелких глупых карасей, – сообщил он с вызовом и указал рукой на один из ближних домов. – Рядом живу и поэтому знаю. Рыба сытая, прикормленная и на крючок не берется. Не видать вам ни карасей, ни окуней и даже пескарей, как собственных ушей.

– Погоди, нас страшать, как тебя зовут? – поинтересовался Виктор.

– Коля, Николай, – ответил подросток.

– Коля, ты хоть подумай, что говоришь? Как будто заклинание, – укорил его Виктор. – Наверное, хитришь, брат, чтобы нас от озера отвадить. Сам ведь с удочкой пришел?

– Пусть лошадь думает, у нее голова большая, – с достоинством произнес абориген. – Только я знаю, что останетесь без улова. А удочку ношу по привычке.

– Ты же сказал, что рыба есть. Тогда, как ее выловить? – допытывался брат.

– Сетями, вот как.

– Это браконьерство.

– Немного можно, так все мужики делают, когда хотят отведать ухи,—пояснил Коля.

Мы без прежнего энтузиазма глядели на поправки, на которых устроились стрекозы, а поблизости свои подводные пируэты совершали вездесущие лягушки, пуская на поверхности пузырьки воздуха. Закрепив у кромки берега удилища, мы присели на траву.

– Гена, товарищ майор, давай к нашему шалашу! Надо подкрепиться для бодрости духа, – окликнул Виктор отставника, так и не приступившего к ужению рыбы. Потом взглянул на подростка и пригласил:

– Коля, угощайся, отведай, что Бог послал.

Я расстелил на траве газету и выложил из сумки ее содержимое: хлеб, сало, картофель в мундирах, консервы, свежие и соленые огурцы, зеленый лук, петрушку... Брат достал плоскую флягу с колпачком на медной цепочке. Подошел Геннадий, и, оглядев харчи, крикнул, присел на корточки. Виктор наполнил маленький пластмассовый стаканчик и подал Николаю со словами напутствия:

–Тебе, как местному аборигену и знатоку, особая честь.

– Што это? – спросил он.

– Бальзам на крымских травах, целебный напиток.

– Бальзам я еще не пробовал, а самогон, вино, сколько угодно, – признал он и выпил. Закусил соленым хрустящим огурцом и похвалил. – Хороший, приятный напиток, ни то что самогон.

Вдруг на берег высыпала ватага смуглых ребятишек.

– Цыгане из табора, сейчас вся малину испортят, – с досадой заметил повеселевший Николай.—Зимой они на льду босиком катаются. Выносливые, как индейцы.

Особенно озорным был маленький цыганенок с курчавыми черными волосами. В его черных, как смоль глазах, плясали бесенята. С разгону вниз головой плюхнулся в воду. Замотил босыми ногами в воздухе, очевидно застряв головой в грязи. Его вовремя вытянули подоспевшие соплеменники, иначе бы утоп.

Мы втроем взбодрились бальзамом, позавтракали, все время держа в поле зрения свои удилища. Освобожденный из трясины цыганенок живо подбежал к нам, схватил оставленную Николаем удочку и бросился наутек. Абориген устремился за ним и едва не настиг, когда цыганенок сиганул по воде на середину озера, где воды оказалось пацану по пояс.

Бродит в нем горячая кровь вольнолюбивых предков. Те уводили коней, а этот умыкнул удочку, лишив Николая увлекательного занятия.

Цыганчата радовались, словно им удалось заполучить диковинный клад. Мне припомнилось, как года три назад в окрестностях села расположилась цыганская семья, прибывшая в повозке-фургоне с впряженной парой лошадей. К повозке была привязана большая лохматая собака. Когда я приблизился к месту, где пылал костер, курчавый цыган, очевидно глава семейства, снимал колючую шкуру с иголками с ежа. Разделал зверька и бросил в котел с кипящей водой. Жарко горели поленья и сухая виноградная лоза.

Молодая цыганка, которую я мысленно окрестил Земфирой с длинными ниже талии черными волосами в широкой цветастой юбке бесцеремонно достала из-под кофты пышную смуглую грудь с коричневым соском и принялась кормить младенца. Дитя с черными, словно смородина, глазенками пухлыми губами жадно тянул молоко. Ее не смутило мое появление. А мне захотелось окунуться в стихию пушкинской поэмы «Цыгане», которые в тот момент, не по Бессарабии, а по Крыму кочуют.

– Красавчик, давай погадаю, судьбу предскажу, – пригласила она. Я знал, что потребует плату. И, действительно, прежде, чем сообщить, кого мне в жены сулит судьба, велела. – Принеси килограмм картошки, тогда скажу дело.

Любопытства ради, на этом и построен расчет гадалок и ворожей, я принес из дома с десяток крупных картофелин. Она обрадовалась, нарезала и бросила в котел, где в желтоватом жиру варился еж.

– Так что меня ждет? – поторопил я гадалку.

– Не спеши, отведаешь бульон, тогда и узнаешь, – сказала она, хитро сощурив глаза.

Конечно, я отказался кушать варево с ежом и поэтому гадание не состоялось.

– Если так и дальше дело пойдет, то ухи нам не видать, – услышал я голос брата, превративший мои воспоминания. – Надо прикормить место.

Мы достали сухую размолотую макуху и, смешав ее с влажной почвой, побросали комья в воду.

– Рыба пойдет на кормежку, тут мы ее и сцапаем, — пояснил Виктор. Рыба ценит настоящего рыбака.

Прошло несколько минут и поплавок на его удочке повело в сторону.

Брат подсек и в воздухе засверкала золотистой чешуей рыба. Это был величиною с ладонь карась. Пока я наблюдал за действиями Виктора, поплавок на моей удочке исчез под водой.

– Тяни! – с азартом крикнул Геннадий, живо настраивая свое удилище. Я вздернул бамбуковое удилище и, промелькнув в воздухе, на зеленой траве затрепетал карась. Снял его с крючка, положил в садок и опустил в воду у берега. Каждый из нас троих до полудня, пока не ослаб клев, успел поймать по три-четыре десятка карасей и, даже, нескольких окуней с красноватыми плавниками. Геннадий предлагал пройтись с сетью, но Виктор его отговорил:

– На уху и сковородку нам достаточно. Надо, что-то и аборигенам оставить, иначе в следующий раз Николай не пустит. Конечно, рыбалка с берега или с лодки в хорошую погоду и на чистой воде азартна и увлекательна, но ни с чем несравним подледный лов зимой на реке или озере. Пробиваешь пешней лунку во льду и, сидя на рыбацком ящике, выуживаешь на мормышку и мотыля окуней, плотву или ершей.

Глаза у брата заблестели и мне не трудно было понять азарт охотника до подледной ловли, если даже рассказ, воспоминание вызывали у него такой восторг.

Чуть позже я узнал от Виктора, что зимняя рыбалка едва не стоила ему жизни. Спасая тонущего в полынье рыбака, он вытащил его на лед, а сам из-за его страха и паники угодил в ледяную воду. Тулуп мигом пропитался водой, набряк и потянул в глубину. Пришлось от него избавиться. Сохраняя хладнокровие, брат с помощью пешни выбрался на непрочный в стрельчатых трещинах лед. Когда опомнившийся от испуга спасенный рыбак возвратился, то лишь извинился за панический поступок.

– Повезло вам, – взвесив рыбу в моем садке, сказал Николай. – Напали на рыбное место. Видать бывалые рыбаки.

– Надо думать, а не ссылаться на кобылу, у которой большая голова, – улыбнулся Виктор. – Интеллект не зависит от объема головы. И среди головастых и лобастых персон с солидной осанкой и апломбом немало бездарей и глупцов. Хотя и встречаются человека по одежке, но провожают все же по уму. А лошадей, Коля, не обижай, человечество этим и другим животным многим обязано. Это умное, красивое и благородное создание природы. Знаменитые дончаки и орловские рысаки.

– Лошадей я уважаю, да только их в селе почти не осталось, – сообщил подросток. Кое-кто из жителей обзавелся ослами. Они сильные, трудолюбивые, но бывают и упертые, с места не сдвинешь, как в кинокомедии «Кавказская пленница».

– Осел, вол или мул тоже не менее полезные животные, – продолжил наставления брат. – У поэта Александра Блока есть прекрасная и поучительная поэма «Соловьиный сад». Одним из ее «героев» является осел, как символ трудолюбия на фоне недолговечной любви.

Виктор на миг призадумался и произнес:

Правду сердце мое говорило

*И ограда была не страшна,
Не стучал я – сама отворила
Неприступные двери она.*

Вскоре после того, как отгорела любовь, хозяин услышал голос своего осла, оставленного на произвол судьбы. Финал поэмы таков:

*А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.*

Жизнь учит человека ценить то, что в погоне за мимолетным счастьем утрачивается. Коля, почаще ходи в библиотеку и читай полезные книги и тогда не только у лошади, но и у тебя по части интеллекта будет большая голова, – посоветовал аборигену Виктор. Николай внимал, раскрыв рот, ибо этот рассказ ему был в диковинку.

Глядя, как майор навьючивает на плечо вещмешок, Виктор заметил:

–А впрочем, Гена, в том, что ты повсюду носишь на рыбалку снасти, весь свой боевой арсенал, делает тебе честь, как офицеру и имеет свой резон. Видя тяжелый вещмешок, люди полагают, что это и есть наш богатый улов. Поэтому действуй в том же духе. Завтра направим свои стопы к пруду, что вблизи села Власовка. Я давеча интересовался у местных рыбаков, там водятся караси, пескари и зеркальные карпы.

–Всегда готов! – козырнул отставник, сохранивший завидную офицерскую выправку.

Солнце стояло в зените, когда мы, довольные рыбалкой с уловом отправились в обратный путь. Вскоре Лебединка с озером и аборигеном растаяла в золотистой дымке жаркого дня, но надолго осталась в памяти.

В ПОЛНОЧЬ

– Матвеюшка, а, чуешь? Вставай, – кто-то затормошил старика за плечи. Он сквозь дрему сообразил, что это голос жены Дарьи и открыл глаза, спрятанные за густыми белесыми бровями.

– Чего тебе, Даша? – уставился он на женщину сонным взглядом. – Можэ бессонница мучает?

Услыхал, что жена с трудом сдерживает рыдания. С тревогой приподнялся с постели. Заметил в полумраке комнаты ее сгорбленную жалкую фигуру.

– Горе, лихо у нас, – всхлипывала она. – Оленька, внучка занедужила. Стонет, голубушка и воды просит. Сильный жар у нее. Не знаю, что и делать?

Больно кольнуло сердце в груди Матвея. Он встал и, позабыв надеть комнатные тапочки, поспешно прошел в угол комнаты, где рядом с печкой находилась теплая лежанка. Осунувшаяся супруга с надеждой взирала на мужа. Он склонил голову над лежащей в постели трехлетней внучкой и, проведя ладонью по лбу девочки, ощутил жар и тяжело вздохнул.

– Как же так? Еще вчера бегала, смеялась во дворе. Ох, не доглядели, стыдно будет невестке Галине и сыну Артему в глаза глядеть.

Матвей насупил брови. Хотел было прикрикнуть на старуху, но увидев ее горестные, глубоко запавшие глаза, сжалился, уронив узловатые плети рук.

– Может ей чаю с малиной или смородиной от простуды дать? – допытывалась Дарья. – Или сходить к знахарке Серафиме, что снимает порчу и сглаз? У нее разные лечебные травы и настойки есть. И заговоры она знает, по наследству от прабабки магия передалась?

– Ни магия, ни травы не могут, – отозвался он, скептически относясь к ворожеям, врачевателям, колдунам и экстрасенсам, считая их шарлатанами. – В больницу ее везти надо. А то, не дай Бог, опоздаем, тяжкий грех на душу возьмем.

Старик живо оделся. Накинул на плечи старый полушубок из овчины и уже от порога крикнул жене:

– К Тихону я пошел. Может, уговорю, чтобы отвез Оленьку в районную больницу. На «Жигулях» за полчаса обернется.

На улице было темно, прохладно и сыро, как обычно, поздней осенью, в пору листопада. Моросил мелкий, грибной дождик. Матвей с трудом в кирзовых сапогах пробирался по скользкой дороге посреди улицы, где ни одного фонаря, а окна погашены.

Над уснувшим селом висели набрякшие влагой темно-свинцовые тучи, зловеще угрожавшие ливнем.

Он отыскал добротный дом Тихона Оглобли. За каменной высокой оградой с тускло сверкающими осколками стекла на гребне, чтобы пацаны не лазили в сад, тревожно стучали голые ветки грецкого ореха, яблонь, абрикос и слив. Сумрачно взирали на улицу черные квадраты трех окон с толстыми металлическими решетками. «Не дом, а крепость», – со смутным предчувствием подумал старик. В надежде, что калитка не заперта, толкнул рукою и оказался во дворе.

Встревоженный его шагами из-за гаража, гремя цепью, выбежал огромный, величиною с телка, пес. Громкий лай разорвал тишину, вспугнул ворону, дремавшую на крыше у теплой дымовой трубы. Матвей хотел окликнуть пса, но от волнения запамятовал кличку. Оно и понятно, ведь во двор Оглобли он не ходок, а тут беда заставила. Попятился к калитке, глядя на ощерившегося волкодава. Ледяной холод окатил старика при мысли, что в эти минуты мечется в жару и умирает любимая и единственная внучка. А он, как истукан, ничем неспособен ей помочь.

– Тихон! Тихон! – закричал Матвей и закашлялся, не в меру заглотив холодный воздух. Спустя пять минут, которые ему показались вечностью, стальная дверь отворилась и желтая полоса света упала на забетонированный двор, выхватив из темени жалкую, сутулую фигуру старика, прижавшегося к ограде от разъяренного с острыми клыками и огненно-красным языком пса.

– Чего орешь, будто тебя режут как барана!? – набросился на Матвея с упреками хозяин дома и подворья. – Или глаза самогонкой залил и в чужой двор забрел? Так я сейчас Барона с цепи спущу. Он тебе даст жару, скипидару.

Тихон величественно, словно скульптура на пьедестале, стоял на крыльце в проеме распахнутой двери. Жирное лицо с двойным подбородком лоснилось. Сверкнув несколькими золотыми зубами, он сердитым взглядом, как дрелью, сверлил старика.

– Слышь, дед, ступай домой и проспись, – посоветовал, зевая, Оглобля. – В это время все нормальные люди отдыхают. Только тебя черт, как лунатика, носит по чужим дворам.

Намеревался было затворить дверь, так и не выслушал Матвея, вдруг оробевшего под напором обвинений.

– Тихон, будь человеком, помоги, – усталым голосом попросил старик. – Внучка сильно заболела, жар, бредит. Срочно надобно в больницу свезти. Боюсь, что до утра не продержится. Вся пылает.

– Какая еще внучка, Жучка с репкой, бабкой и дедкой? – скаламбурил Оглобля, вспомнив сказку про репку, дедку и других персонажей.

– Старшего сына Артема дочка, – с затеплившейся надеждой ответил старик. – Сам он в России на заработках, а невестка в командировке, оставили внучку на нас.

– Не по адресу обратился, я не доктор, не врач.

– Знаю, что не доктор, но у тебя транспорт, колеса. Прошу, Христом умоляю, в больницу внучку отвезти, – запинаясь, произнес Матвей.

– Дед, у меня не такси, – недовольно проворчал Тихон. – Может, и оказал бы эту услугу, так ведь машина на приколе, аккумулятор сел и бензин нынче дороже молока. Рад бы помочь, но сам оказался безлошадным, пешком передвигаюсь, как простой мужик.

Старик почувствовал, как тугой комок подкатил к горлу, глаза застили слезы, он с трудом выдавил из себя:

– Тихон, я заплачу за бензин и хлопоты. Давеча пенсию получил.

– Не серчай, дед. Сказал же, что аккумулятор сел и бензина нет, бак сухой, до заправки не хватит доехать.

– Души у тебя нет, а не бензина, – прошептал Матвей и, не опасаясь вдруг присмирившего пса, пошел со двора. Опомнился лишь на улице и остановился в растерянности. Обрадовался, вспомнив о конюхе Семене, своем ровеснике. Ему перевалило за шестьдесят пять, но держится молодцом, подрядился ухаживать за лошадьми в фермерском хозяйстве. Иногда на вечеринках Семен любил исполнять свою коронную песню об извозчике, у которого лошадь споткнулась и «Ихав казак на вийненьку». За это и прозвали Семена казаком. Он гордился этим званием. Матвей разбудил приятеля среди ночи и вместе направились к конюшне, расположенной на окраине села. Объяснили заспанному сторожу ситуацию и тот, полагаясь на непререкаемый авторитет Семена, позволил запрячь в бедарку выбранную конюхом, покладистую и резвую кобылицу Звездочку темно-бурой масти с белым пятнышком на лбу.

– Спасибо тебе, друг сердешный, – закивал головой Матвей.

– погоди, остановил его Семен. Вместе поедим, сподручнее будет, а то ведь придется управлять вожжами. Девочку по очереди будем держать на руках.

Подъехали к дому с освещенным окном и их встретила, встревоженная долгим отсутствием мужа, Дарья.

– Как Оля? – спросил Матвей.

– Жар не спадает и тяжело дышит, – ответила женщина. Укутав в одеяло, осторожно вынесли девочку из дома. Поверх полушубков, чтобы не промокнуть, накинули прозрачные полиэтиленовые плащи. Уселись в бедарку, Семен взял в руки вожжи и выехали из села.

– Пить, пить, воды, – шептала горячими губами девочка.

– Еще немножко, Олечка, внучка, потерпи, – успокаивал ее дедушка, смачивая сухие губы губкой, пропитанной соком. Бережно заслонил полой полушубка от ветра. Хотя и ехали быстро, но Матвею казалось, что дороге до райцентра не будет конца.

Потеплело на душе, когда за серой стеной лесополосы с черными сорочьими гнездами увидели огни поселка. Подъехали к зданию больницы. Осторожно занесли девочку в приемный покой.

Дежурный врач-терапевт светловолосая женщина, осмотрела Олю, прослушала дыхание стетоскопом, измерила температуру и пульс. Матвей и Семен молча наблюдали за движениями ее ловких, с длинными, как у пианистки, пальцами рук.

– Симптомы ОРЗ, – произнесла женщина. – Сделаем жаропонижающую инъекцию, температура спадет и станет легче. Спасибо вам, дедушки, что поторопись. С этой болезнью медлить нельзя. Скоро поправится ваша внучка. Ишь, белокурая красавица.

Врач ласково погладила Олю по мягким и светлым, словно лен, волосам. Девочка открыла глаза и жалко улыбнулась, доверчиво поглядела на врача, а потом на стариков своими зеленовато-бирюзовыми глазами и едва слышно прошептала:

– Деда, не оставляй меня, а где бабуся?

– Хорошо, внучка, я побуду с тобой, а бабушка дома. Молится, чтобы боженька тебе помог, не оставил в беде.

– Ты, Сеня, езжай, – обернулся Матвей к конюху. – Я с Олей побуду, а в полдень на рейсовом автобусом вернусь.

– Э-э, так не годится, – возразил Семен. – Где видано, чтобы друзей в беде оставлять. Вместе поедим, вдвоем веселее.

К утру девочке полегчало, жар отступил. Но врач велела лежать и принимать лекарства. Матвей несказанно обрадовался добрым переменам и только теперь почувствовал, что очень устал, годы ведь не молодые. Семен был покрепче. Они сходили в магазин и закупили девочке соков, кефира, печенья, конфет и других лакомств, а главное куклу, говорящую: «Мама».

– Дедушка, не уезжай, – просила внучка.

– Не волнуйся, Оленька. Каждый день с бабушкой будем тебя навещать, – пообещал он. – Ты только быстрее выздоравливай, не капризничай и слушайся доктора.

Когда выехали, солнце сияло в зените. Дорога слегка подсохла. Семен отпустил вожжи и Звездочка шла спокойно, кося глаза на зеленые поля озими. Семен покурил трубку, а Матвей оглядывал окрестности, подернутые сизой дымкой. Так они и ехали, уставшие, но довольные тем, что все завершилось благополучно. Повернув на проселочную дорогу, увидели выезжающие из села «Жигули» темно-синего цвета. Матвей признал автомобиль Оглобли, а за рулем хозяина. Тот тоже распознал старика и на узкой дороге, мастерски развернув машину, поехал назад в село.

– Что это с Тихоном, аль забыл что? – удивился Семен. Матвей решил не посвящать в детали ночного визита к односельчанину.

– Наверное, он Звездочки испугался. Сбежал, чтобы не лягнула его копытом по золотым фиксам. Поделом бы ему, – усмехнулся Матвей. Он то догадался, почему Оглобля вдруг стал выделять виражи. Может, совесть проснулась. Старик с горечью подумал, что людям, у которых все благополучно и обходит стороной горе, часто не хватает самого главного – человечности и доброты к тем, кто оказался в беде.

НАСТЕНЬКА

Михаил Скобцев поднялся на пригорок у околицы села и посмотрел на ровные ряды белых, покрытых шифером, домов. Вытесняют новые постройки старые саманные хаты под красной, выгоревшей на солнце черепицей. Скоро и следа не останется от прежней Глуховки.

Улица была освещена заходящим солнцем, которое подожгло лиловые края перистых облаков и медленно, словно огромная медаль из скифского золота, погружалось за темную стену лесополосы. Михаил отыскал родительский дом, приютившийся в зелени деревьев. Он отворил приятно скрипнувшую под рукой калитку и вошел во двор. Старался идти тихо, чтобы, как обычно, войти в комнату и удивить своим приездом родителей. Но не успел он подойти к деревянному крыльцу, как к его ногам откуда-то из-за сарая, гремя цепью, с лаем бросился пес.

– Тш ... тише, – Михаил беспомощно замахал руками, припомнив кличку. – Тише, Джек, родню не узнаешь, память, видно, ослабела?

Скобцев потрепал пса по темной с отливом шерсти.

– Ты, меня тоже, дружок, прости, совсем было забыл, что ты стережешь дом моих стариков.

Джек узнал Михаила и радостно стал тыкаться холодным носом в его ладони. Михаил огляделся по сторонам, подмечая перемены, которые произошли с тех пор, когда он в последний раз был дома. В саду подросли молодые деревца, а под окнами, выходящими на улицу – много цветов – радость матери. Дом стал ниже или Михаилу после многоэтажных зданий из бетона и стекла, так показалось. Он отворил дверь в сени и вошел в горницу. В следующее мгновение увидел лицо матери. Она что-то стряпала на столе и, обернувшись на скрип двери, увидела сына. Замерла от неожиданности.

– Сыночек, Мишенька, – мать протянула к нему белые от муки руки. Боясь замарать на сыне костюм, как то беспомощно приникла к нему головой. Из-под черного платка Скобцев увидел прядку седых волос. Стало очень жаль мать, тугой комок подкатил к горлу. И он еще раз упрекнул себя за то, что так долго собирался в село. Причины, мешавшие приезду, теперь казались мелочными.

– Успокойся, мама, – неумело уговаривал он ее. Вытирая краешком платка глаза, Дарья Петровна торопливо произнесла:

– Чуюло мое сердце, что ты приедешь. Сегодня с утра во дворе петух пел, кошка в сенях умывалась. Я вот пышки заладила на молоке печь. Ты ведь любишь сдобу?

– Конечно, люблю. А отец где? – спросил Михаил, устало опускаясь на скамейку.

– Он скоро вернется, пошел за село траву косить. Мы ведь еще коровушку держим. Трудно корма доставать, лугов совсем не осталось.

Михаил слушал, с теплотой наблюдая, как под ловкими руками матери кусок теста превращается в круглую пышку.

– Ты, сынок, посиди, а я тебе сейчас холодного молочка из погребца принесу. Поди, устал с дороги.

Мать вышла и вскоре вернулась с глиняным кувшином в руке. Холодное, вкусное молоко освежило и сияло усталость.

– А вот и горячая пышечка, – мать, припеваючи, подала ее сыну. Михаил, как в детстве ел душистую пышку с молоком. Насытившись, встал, прошелся по комнате.

– Что-то маловата стала наша избушка? – улыбнулся он матери.

– Это ты, сынок, вырос, – Дарья Петровна ласково поглядела на ладную фигуру сына. – Нам давали новый дом, да мы не захотели переезжать. Он для нас ведь родной, родительский. Тепло и уютно в нем. Здесь мы тебя и Алену вырастили. здесь с отцом и помирать будем. Тебе, сынок, тоже пора гнездо вить, о внуке или внучке мечтаем.

Мать с затаенной надеждой поглядела на него и покачала головой:

– Молодость пройдет. Каждому делу свое время положено.

– Ничего, мама, будут у тебя еще внучата, – он обнял мать за плечи. – Пойду я отцу подсоблю. Давно в руках косу не держал.

Потеплело на душе у матери от этих сыновних слов. «Значит, не забыл он крестьянской работы, значит, живет в нем деревенский дух. Глядишь, и останется в селе. Легче будет коротать старость. При его уме да образовании и в селе работа найдется. И невесту я ему приглядела».

– Иди, а я пока управлюсь с пышками, – спохватившись, сказала она сыну, все еще охваченная радостными думами.

Отца, Ивана Андреевича, Михаил встретил за селом, где среди кустарников смородины и шиповника буйно росла трава. Остановился невдалеке, наблюдая как ловко старый Скобцев размахивает косой. В лицо дохнуло пряными запахами. Разбежались вокруг ромашки.

– Вжик– жик ...– толи поет коса, толи плачут скошенные травы. Вот косарь остановился, смахнул рукой с лица пот.

– Отец! – крикнул Михаил и поспешил навстречу. Они крепко обнялись.

– Что ж это ты долго не заявлялся в село? Чай, и дом родительский не нашел? – упрекнул его отец. – Невесту из города часом не привез?

Михаил уклонился от ответа:

– Дай-ка, батя, косу, попробую, – и с озорством прочитал пришедшие на память есенинские строки:

Что же, дайте косу, я вам покажу –

К черту я снимаю свой костюм английский.

Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий.

Памятью деревни я ль не дорожу?

– Поглядим, поглядим, на что ты способен, – подбодрил его отец. – На словах все мастера – умельцы, вот на деле ...

Михаил взял еще теплую от отцовских ладоней косу. Лихо размахнулся. Лезвие пошло неровно, срезая лишь верхушки стеблей, головки пестрых цветов – синих цикория и желтых сурепки, розового душистого горошка, белых ромашек ...

– Эх, разучился, сынок, – сокрушенно покачал головой старый Скобцев, – Так ты мне косу собьешь. Пошли, мать нас заждалась.

Михаил все еще старался подчинить себе непослушную косу.

– Завтра-то день будет, – похлопал его по плечу Иван Андреевич. – Признайся, непривычно после чертежей, да циркулей держать в руках крестьянский инструмент?

– Ничего, отец, одолею.

– Это хорошо, что у тебя есть хватка. Было бы желание, а умение придет в работе, – отец захватил в охапку скошенную траву. – Гостинец коровушке Красуле.

В село возвращались вместе. Закат догорал где-то на краю земли. Из уютных под зеленой сенью деревьев дворов плыла музыка, лаяли собаки и перекликались петухи.

Михаил, молча слушая отца, вспоминал о детстве. Улица была пустынной. Вот пригорюнился старый колодец. Помнит Михаил, как подростком гонял сюда коров на водопой. Теперь колодцем не пользуются, и он постарел. Темный, омытый дождями сруб подгнил, печально свесил длинную шею журавль. Михаилу показалось, что теперь колодец жалуется каждому прохожему: «Забыли вы меня, забыли». Не одно ведро он утопил в его темной прохладе. Частенько тогда за это озорство перепадало от матери, а отец «кошкой», привязанной к концу веревки, отлавливал ведра со дна колодца.

Из раздумья Михаила вывели чьи-то торопливые шаги. Он поднял глаза и в приближившейся стройной девушке с радостью признал свою бывшую соседку Настю Гуркову. Она, наверное, не узнала Михаила. Но все же, отойдя несколько шагов, оглянулась. Красивый овал и черты лица. Темные волосы были собраны в тугий узел.

– Настя, ты? – окликнул он девушку. Она остановилась. Увидев рядом с незнакомцем Ивана Андреевича, вспомнила:

– Неужели Миша, Михаил?

– Я, – зачем-то поправляя галстук, ответил Скобцев, не сводя с нее глаз. Настя подала ему руку.

– Здравствуй. Рада видеть тебя в нашей Глуховке. Михаил легко сжал Настины пальцы, почувствовав их теплоту. Она, немного смутившись, загадочно отвела взгляд в сторону.

– Изменилась ты, повзрослела и похорошела, – с нежностью в голосе произнес он, не торопясь разминуться. Отец уловил пристальный взгляд сына и дернул его за рукав.

– Пошли, – сердито проговорил он.

– Ладно, я тоже пойду, – усмехнулась Настя и простучала каблучками. Подходя к калитке, Иван Андреевич замедлил шаг:

– Ты того, Михаил, не слишком на Настю заглядывайся. Девка она видная, да речи о ней по селу разные ходят. То с одним, то с другим хлопцем ее встречают. Такая, как она, своей красотой любому голову вскружит. Держись от нее подальше. Вот тебе мой отцовский совет.

– Это, отец, наверное, глуховских старух сказки. Злые языки, которые страшнее пистолета, – усмехнулся он. – В городе на такие отношения смотрят проще.

– В селе каждая девка на виду, – рассердился отец. «И то верно, – подумал Михаил. – Давно я не знаю Настю. Много воды утекло с тех пор, когда в одну школу полевой тропинкой ходили. Но она была девчонкой и не привлекала его внимания. А теперь первая красавица на селе. Того и гляди, укатит в город, а там много соблазнов и пороков. Все может случиться».

На Михаила наплыло чувство легкости, и в то же время проникла в сердце грусть об уходящем, дорогом. Что привело его в село? Отчий ли дом, память ли о детстве? А может, она, Настя, пробудившая в его душе теплые воспоминания. Он встал на рассвете. Услышал шаги матери, спозаранку хлопотавшей на кухне.

– Ты бы, сынок, еще маленько отдохнул, а я вам с отцом завтрак приготовлю, – увидев Михаила, проговорила Дарья Петровна. – Сегодня ведь воскресенье, можно и поспать. Впрочем, у тебя ведь отпуск. Михаил прошел к отцу в сарай, откуда доносилось тихое мычание Красули. Иван Егорович положил в кормушку охапку сочного разнотравья.

– Пойду я прогуляюсь за село. Ты мне косу дай, – попросил он.

– Решил все же стать заправским косарем, – усмехнулся отец. – Авось, в городе сгодится, газоны стричь.

– Решил, – Михаил взял косу, легонько провел брусом по лезвию.

Наскоро позавтракав, Скобцев пошел за околицу на лужайку с кустарниками. Коса запела, поблескивая в лучах. Разнотравье влажное от росы легко ложилось под лезвием. «Получается, – радовался Михаил. – Не утратил прежних навыков».

Солнце начинало припекать. Позади себя Михаил услышал девичий смех. Резко обернулся. Возле куста дикой смородины, усыпанного мелкими черными ягодами, стоял Настя. Она была в розоватом, что и вчера, платье. Девушка срывала с ветвей ягоды, и они блестели у нее на ладони, словно бусинки.

– Упарился, отдохни, – посочувствовала она. – А то похудеешь и городская жена не признает?

– Какая еще жена? – удивленно приподнял он брови.

– Наверное, есть, – девушка пристально поглядела на него и добавила. – Если не жена, так невеста или любовница?

Михаил молчаливо вытер пучком сочной травы мокрое лезвие косы. Подошел к Насте.

– Чем ты здесь занимаешься? – спросил он.

– Смородину ем, – быстро ответила она. Михаил улыбнулся, подмечая находчивость девушки – в карман за словом не полезет. Неожиданно смутился и наступила пауза.

– Почему замуж не выходишь? – с лукавинкой поглядел на нее.

– Жениха нет, подходящего, достойного, – взметнулись ее темные ресницы. – А без любви никакой в жизни радости...

– Что же так?

Настя пожала плечами.

– Работаешь где? – спросила она его в свою очередь.

– На заводе инженером-программистом, вот в отпуск приехал.

Он набрал в горсть ягоды и полакомился. Ощутил приятный привкус смородинового сока.

– Действительно, хороша, – улыбнулся он Насте.

– Послушай, Миша. Пошли на пасеку к деду Кирюхину, – предложила девушка. – Он добряк, майским медом угостит.

– Предлагаешь вначале медовый день, но я с тобой согласен на месяц, – пошутил он, и тут же сам смутился, видя, как она вся вспыхнула, стыдливо опустила глаза.

– Прости, Настенька, я не хотел тебя обидеть, невольно получился такой каламбур. Знаешь, мне с тобою очень хорошо.

– Успел обо мне наслушаться всяких небылиц, – упрекнула Гуркова. – А я до сих пор недотрога и это многим не нравится. Но на чужой роток не набросишь платок...

Настя, преодолев смущение, вдруг бросила в Скобцева горсть смородины и крикнула:

– Попробуй, догони!

Ветки кустарника цеплялись за края ее платья, хлестали по загоревшим икрам ног. Она, весело смеясь, оглядывалась на Скобцева, звонким смехом манила за собой. «Вот ребячество», – подумал Михаил, однако устремился за девушкой. Догнал ее и обнял за талию, ощутил упругость молодого горячего тела.

– Пусти, пусти, – испуганно прошептала она и выскользнула из кольца его рук. И вдруг загрустила. Шла, изредка поглядывая на Михаила. В разросшейся траве едва проглядывала тропинка.

До пасеки оставалось не более километра, когда на проселочной дороге показалась повозка. Лошадь бойко перебирала ногами. Сидя впереди деревянной бочки, ею правил подросток с вихрастым рыжим чубом. Он лихо крутил в воздухе концами собранных в руку вожжей. Поравнявшись с Михаилом и Настей, придержал лошадь.

– Если на пасеку, то садитесь, подвезу. Председатель, вот велел воду для пчел завезти, – сообщил парнишка. Михаил и Настя пристроились на повозке. Возница остановил лошадь у самых дверей сторожки. На шум вышел старик с белой редкой бородкой. Михаил помог-старикау наполнить емкость привезенной водой. Отвернул медный краник и выскобленный в толстой доске желобок наполнился прозрачной водой. Мгновенно слетелись пчелы. Кирюхин пригласил гостей в сторожку.

– Угощайтесь, – он налил из большой кружки в тарелку золотистый и прозрачный, как янтарь, мед и похвалился. – майский. А для тебя, Михаил, я припас медовуху, от которой голова светлая, а ноги пьяные. Подросток с восторгом уминал дедово угощение.

– Теперь каждый день сюда буду ездить, – шептал он и огорчался что ему еще предстоит ехать в бригаду. Насытившись властью, парнишка вышел из сторожки, и скоро, донесся его воинственный крик. Повозка с бочкой покатила дальше. Настя и Михаил лакомились не спеша. Старик набил самосадом свою выдавшую виды трубку. Синий дым обволок его морщинистое лицо.

– Помню я, как вы на пасеке шкодили, а теперь, глядя, как выросли и не признал. Михаил солидный мужчина, а Настя – красавица, невеста на выданье.

– Время не стоит на месте, – ответила Настя, откладывая в сторону ложку. Михаилу вспомнилось, как в детстве он иногда приходил домой с распухшим от пчелиных укусов лицом. Они поблагодарили старика за угощение. Душисто пахло сеном. Давно Михаил не вдыхал такого пряного запаха. Он сел на бревна, лежащие у стога. Гуркова опустилась рядом. Кирюхин пошел к ульям проверить соты.

– О чем задумался? – Настя тронула Михаила за руку.

– О нас с тобой, – ответил он и словно впервые увидел ее серые с бирюзовым оттенком глаза. Скользнул взглядом по ее загоревшим стройным ногам и невольно протянул руку, чтобы обнять девушку за плечи. Но она строгим взглядом остановила его: «Не шали».

Михаил смущенно одернул руку.

– Аль наслушался обо мне много? Мол, доступная и безотказная? – спросила она мягче, чтобы как-то сгладить свою резкость.

– Вот ты какая, Настенька, – ласково прошептал Михаил.

– Какая уж есть, – тихо ответила она.

Домой Михаил пришел, когда солнце перевалило за полдень. В бочке, наполненной дождевой водой, обмыл лицо. Иван Егорович встретил его сухо. Взял из рук сына косу.

– Ты что же, сын, срамить нас приехал? – сердито спросил он Михаила. – Мальчишку бы постыдились. Прогуливаются среди бела дня. Мало ли у Насти женихов, и он туда же.

– Отец, как ты можешь так отзываться о прекрасной девушке. Ее здесь из зависти сплетнями затравили, – огорченно вздохнул Михаил. – Плохо вы Настю знаете, распустили слухи и сами же им верите.

– И что ты в ней нашел? Есть и другие девки в селе – любую выбирай и хоть завтра под венец.

– Никак женить меня хочешь, отец?

– Будет вам ссориться, – вышла на крыльцо Дарья Петровна. – Сынок отдохнуть приехал, а ты его укорять.

– Знаем, что говорим, – недовольно ответил старый Скобцев.

– Косить-то научился, аль времени не было?

– Малость накопил, скоро сено можно будет сгребать в копну, – задумчиво произнес Михаил. «Настя, Настя, разворошила ты память, – подумал он. – Наполнила сердце непонятной истомой».

Он долгим взглядом провёл по полыхавшим в палисаднике цветам.

– Уж лучше б тебе не ходить за Настей. – Дарья Петровна с женской жалостью поглядела на сына. – Приворожила она тебя травами к себе. У нее бабка колдунья, знает всякие отвары из трав и наговоры. Наверное, эта магия и ей по наследству передалась.

– Если она волшебница или колдунья, то почему страдает от одиночества? Давно бы уехала в город и какого-нибудь богача к себе приворожила? – спросил Михаил, улыбаясь. Мать не смогла возразить.

– Не волнуйся, мама, все будет хорошо, – успокоил ее Михаил, с радостью думая о предстоящем свидании с Настей. Твердый, уверенный голос сына успокоил мать. Ее лицо посветлело. Она любовалась Мишенькой. В ее памяти он все еще был босоногим мальчишкой, убегающим на рассвете по росистой траве в поле...

БАБУШКА ТАМАРА

Маленькая дверца на часах-ходиках с маятником и цепочками с двумя гириками открылась, серая кукушка семь раз прокричала свое неизменное: ку-ку! Антиквариат минувшей эпохи. Бабушка Тамара, ровесница часов, привыкла к монотонному ходу и голосу кукушки. Разговаривала с ней, как будто с живым существом.

–Проснулась, голубушка, – приговаривала старуха, передвигая на печи чугунные казанки.

Да и не с кем было больше разговаривать, разве, что с кошкой – ангоркой Феней, свернувшейся пушистым дымчато-серым калачиком на коврике, связанном хозяйкой из разноцветных лоскутков ткани.

Тамара Игнатъевна жила сама в старой саманной хатенке, огороженной покосившимся плетнем на окраине села. В теплые солнечные дни ее навещали такие же старые подруги. Приходили вспомнить молодые годы, посудачить о сельских новостях. Она была рада гостям. Сразу же накрывала белой самотканной с вышитыми розами скатертью широкий на деревянных резных ножках стол. Подавала свое не шибко пышное угощение: оладьи или блины со сметаной, варенье и чай.

Заслышав голос кукушки, Тамара Игнатъевна спохватилась. Разбудила Феню, наказав ей блюсти порядок в горнице. Протерла рушником размещенную под стеклом фотографию единственного сына Бориса, погибшего в Афганистане при выполнении интернационального долга, как начертано на граните могильной плиты.

Сына, офицера, капитана ВВС доставили тогда в цинковом гробу в «черном тюльпане» на ближайший военный аэродром. Смахнула с щеки набежавшую ненароком слезу. Повязала свои пепельно-седые волосы серым из козьего пуха платком, перекрестилась на маленькую теплившуюся в верхнем углу комнаты иконку Николая Угодника и вышла в сени, а оттуда во двор. Покликала разбредшихся за изгородью кур и насыпала им зерен, налила воды в корытце.

Еще с вечера Тамара Игнатъевна решила сходить в сельсовет и попросить, чтобы пока погожие дни, а скоро задожидит, починили прохудившуюся крышу. Хатынка состарилась, вросла в землю, выгоревшая на солнце черепица потрескалась, сдвинулась и появились щели, да и в печке колосники прогорели, стала дымить, наверное дымоход сажей забился.

«Даст Бог, отзовется на просьбу председатель Геннадий Львович», – с надеждой подумала она и вышла за калитку на улицу. Шла по разбитому тротуару, отвечая на приветствия односельчан. Ей улыбались, спрашивали о здоровье и она охотно отвечала: «Да, живу я еще не померла и вам желаю крепкого здоровья». Приглашала в гости и многие знали, что не прогадают, так как Игнатъевна славилась своими пирогами и другими лакомствами. А уж хлеба такие пышные выпекала, что загляденье.

В канун Рождества, Пасхи и других православных праздников к Тамаре навещаются за советами по кулинарной части. А потом за добрую науку несут на дегустацию и в подарок румяные, душистые пасхи, крашеные яйца. «На что мне столько одной!» – сетует она и щедро угощает вездесущую детвору.

В здание сельсовета Тамара Игнатъевна вошла уверенно, остановилась у порога в просторный, ярко освещенный люстрой кабинет с широким столом, стульями и шкафами.

– Доброго вам, здоровья! Господи, хорошо, что застала. А то, как не придешь, сказывают, что в райцентре на совещании, – посетовала она.

Геннадий Львович, не поднимая своей крупной, коротко остриженной головы, шелестел бумагами, имитируя большую занятость и с досадой подумал: «Вот, божий одуванчик. Я грешным делом полагал, что преставилась. Полгода, как не беспокоила». Потом нехотя поднял глаза и с опозданием ответил:

– Тебе тоже, бабка, здоровья. Никакая холера и чума тебя не берет. Еще скрипишь потихоньку?

– Да, Бог милует.

– На выборах за кого голосовала?

– За тебя, сынок, и за коммунистов. При них спокойно жилось, не грызлись, как нонча депутаты, что пауки в банке, – произнесла она

– Напрасно за комуняк свой голос отдала. Они церкви разрушили и закрыли, а мы их открываем, чтобы было куда, таким как ты, старикам, сходить и душу излить. Чего тебе, надо, старая, у меня времени в обрез? Говори живо без биографических подробностей и сплетен.

– Мне бы, Геннадий Львович, хату немного починить, чтобы крыша не протекала и печка не дымила, – попросила Тамара Игнатъевна и напомнила. – Весной ведь еще обещал, когда агитировал, чтобы тебя снова выбрали головой. А уж осень и скоро дожди пойдут. Зальет меня.

Старушка жалостливо поглядела на начальника и он беспокойно забарабанил короткими пальцами по столу, отведя взгляд в сторону.

– Мало ли что я обещал. Так все кандидаты делают, коммунисты тоже обещали рай на земле. Материала у меня нет, камня, кирпича, шифера и цемента, – сообщил он. – К коммунистам сходи, за которых голосовала. Они тебе, держи карман шире, виллу построят.

И громко рассмеялся, довольный собою. Потом натянул на круглое, как сдобная пышка, лицо маску суровости и велел:

– Ты потерпи еще немного. В следующем году переселим в новый дом. Словно в царских хоромах будешь жить и чай с пирогами вкушать. Я знаю, что ты мастерица их печь, довелось попробовать. Не забудь тогда пригласить на новоселье в гости. По такому случаю не поспею, цветной телевизор презентую.

– Мягко стелешь, да жестко спать. Не надо мне новый дом. Как ты его строить будешь, если даже на ремонт материала нет? – резонно заметила старушка. – Ты лучше вели перекрыть крышу, а то потолок протекает. Да печку пусть подправят. Жить то мне немного осталось. Скоро избавлю тебя от хлопот.

– Починим твой сарай, хотя давно надобно подогнуть бульдозер и на слом, а участок отдать под строительство,– вздохнул он, стараясь побыстрее избавиться от просительницы. И, давая понять, что разговор окончен, заключил.

– Ступай, Игнатъевна, с Богом, откуда пришла, недосуг мне тебя ублажать. Жду начальство из района.

– Можэ мне к ним обратиться? – воспрянула духом женщина.

– Ни в коем разе! – воскликнул сельский голова. – Ты только себе навредишь. Не смей через мою голову прыгать!

С горькой обидой вышла Тамара Игнатъевна на улицу. А начальник вызвал секретаршу и устроил ей разнос:

– Марина, сколько тебе раз говорить, что у нас солидное учреждение, а не проходной двор. Пускаешь кого попало. У меня приемный день в последний четверг месяца.

– Геннадий Львович, так бабушку Тамару все знают и почитают. Она старенькая, жаль ее. На прошлой неделе три раза приходила, но не застала вас, – возразила девушка. – К тому же и мы когда-нибудь состаримся. Об этом не следует забывать.

– У меня и без того гора неотложных дел и я не мать Тереза, чтобы возиться с бабками, – недовольным тоном заявил он. – Зарубили себе, Марина, на носу или завяжи узелок на память, что здесь я командую парадом, а твоя функция – исполнять и блюсти порядок, режим работы.

Марина капризно поджала губы, сдерживая себя от реплики. И, недослушав начальника, вышла в приемную.

Тамара Игнатъевна остановилась возле крыльца, утерла краем платка слезы и побрела, горестно вздыхая. Второй раз остановилась, чтобы отдохнуть возле добротного в два этажа под малинового цвета металло-черепицей, особняка Геннадия Львовича.

Сквозь неплотно прикрытые ворота разглядела постройку во дворе: летнюю кухню, гараж, баню... «Материала и цемента у него, куркуля нет, – с обидой подумала она. – Не даром сказывают, а дыма без огня не бывает, что все казенные деньги на свой дворец потратил». Медленно, часто отдыхая, доплелась до своей хаты. Вошла в горницу и опустилась на скамейку. Сидела беспомощная и одинокая, глядя на пожелтевшие от времени фотографии мужа и братьев.

Потом вспомнила, как в молодости муж, увлеченный творениями Лермонтова, называл ее царицей Тамарой и чуть заметная улыбка тронула ее губы.

Вечером за маленьким окном зашумел ветер и вскоре по стеклу застучал дождь. Растекающиеся капли показались ей горькими вдовьими слезами. Она встала и принялась расставлять ведра, кастрюли, казанки под потолок с мокрыми разводьями на побелке. Капли, срываясь с низкого потолка, зазвучали в горнице печальной мелодией. Кошка Феня, лавируя между посудой, пробралась на сухое место поближе к печке.

ОБКАТКА

Пыльная, взрытая траками танков дорога вела на полигон. В знойном полуденном воздухе висела гулкая, напряженная тишина. Изредка со стороны стрельбища доносились короткие автоматные очереди, да вдали над зелеными ангарами военного аэродрома взмывали в небо серебристые истребители. Высоко в голубизне поднебесья два совсем игрушечных самолета, за которыми тянулся белый шлейф, чертили замысловатые фигуры.

Новобранец рядовой Георгий Шубин, сидя рядом с сослуживцами в кузове мощного автомобиля-вездехода «Урал», провожал проплывающие вдоль дороги поля и деревья грустным взглядом. Его угнетала непривычная жара южного края, а в голове вертелось непонятное слово «обкатка». После команды «подъем!», прозвучавшей в казарме учебного подразделе-

ния отдельной роты химической защиты, курсанты-новобранцы тщетно старались предугадать смысл этого странного слова. Кого и зачем и каким способом решили обкатывать?

Строгие сержанты прерывали всякие размышления и домыслы частыми командами. Небольшой плац, обсаженный по периметру стройными тополями с серебристой листвой, с утра гудел под тяжелыми кирзовыми, начищенными до блеска сапогами. Оттуда доносились отрывистые голоса: «Нале-во... Напра-во! Шагом марш! Кру-гом!»

И вот теперь солдаты, рассевшись по машинам, ехали на полигон. Осталась за поворотом окраина города со старыми одно и двухэтажными зданиями, хозпостройками, садами и палисадниками. Новички с тревогой и волнением ждали предстоящих испытаний. Сержант Логунов, в отделение которого был зачислен Шубин, отвечая на вопросы и любопытные взгляды своих подчиненных, сказал:

– Было время, и я тоже ломал голову над словом «обкатка». Увидите и испытаете. Это будет ваш первый экзамен на звание солдата, воина Отечества.

Город утонул в золотистом мареве. Смутно угадывались его очертания. Ухоженные поля и сады неожиданно расступились и теперь вокруг лежала пустынная, выжженная солнцем степь. За машинами, крытыми брезентами, тянулись клубы желто-серой пыли. Она проникала сквозь полог и оседала на лицах ребят, на пилотки и ещё не успевшие выгореть и просолиться потом новые гимнастерки.

Курсанты, расположившись вдоль бортов на откидных сиденьях, придерживали недавно после принятия присяги, врученные автоматы Калашникова со штык-ножами и подсумками с магазинами в комплекте. На ремнях висели подсумки с желтыми пластмассовыми магазинами, сбоку – противогазы. В том, что за ними нужен тщательный уход Георгий и его друзья убедились сразу же после первых занятий по огневой подготовке на стрельбище, когда пришло время разборки и чистки оружия.

На эту процедуру ушло не меньше трех часов. Шубин не роптал на свою судьбу. Привыкать к твердой воинской дисциплине – дело нелегкое, но ему пришлось по душе и он быстро подчинил свою волю распорядку в казарме, старательному изучению теории и практики военной специальности инструктора-дозиметриста.

Вот и полигон. Далеко к горизонту уходит сухая степь, не знающая плуга и культиватора степь с сухим и жестким разнотравьем, исполосованная траками и колесами танков, бронетранспортеров и вездеходов. Вдали за рыжевато-бурым глинистым бруствером были видны несколько макетов танков и БТРов и БРДМ. Чуть поодаль, возле небольшого чудом сохранившегося дерева замер настоящий танк.

Машины с курсантами остановились возле вышки наблюдательного пункта, вознесенного над плоской кровлей одноэтажного здания, обнесенного проволочным заграждением. Первое занятие проходило в учебном городке. Командир взвода, стройный светловолосый лейтенант, недавний выпускник военного училища с новенькими погонами и портупеей Вахтанов старательно рассказывал солдатам о зажигательных средствах, находящихся на вооружении потенциальных противников.

– Напалм – маслянистая, студенистая масса, – говорил он, демонстрируя вещества. – Его лучше всего тушить песком или плащ-накидкой, когда иных средств не окажется под рукой. Без доступа кислорода напалм гаснет. Двое солдат на примере подтвердили слова офицера.

Курсанты, поочередно гасили, полыхающее в липа жаром, неукротимое пламя. После усилий и смекалки его удавалось погасить.

– А теперь главное – обкатка танком, – строго произнес Вахтанов. Тем временем Сержант Логунов подвел свое отделение к траншее. В этот момент Георгию отчетливо вспомнился последний день перед призывом на службу, напутствия матери и отца, добрые пожелания друзей. От памятной картины прощания на перроне вокзала у него защемило сердце. В следую-

щее мгновение он увидел Ксюшу с тугой косой и злато-карими зрачками печальных глаз. Они подружились еще в школе.

Не хотелось расставаться и они сомкнули горячие ладони рук. Шубин нежно привлек девушку к себе и смутился своей смелости.

Уже стоя в вагоне, через толстое зеленоватое стекло, он увидел ее грустное красивое лицо, и как сквозь туман до него донеслись ее последние слова: «Георгий, я буду ждать тебя! Пиши мне, милый, чаще, не забывай свою Ксюшу». И поплыл за окном шумный вокзал с пронзительным маршем «Прощание славянки».

Резкий гул заработавшего мотора прервал воспоминания Георгия. Тяжелый танк тронул с места и окутанный синевато-фиолетовым дымом устремился вперед. Лейтенант был немногословен. Он надел на голову стальную, зеленого цвета каску, взял в руки два муляжа учебных гранат и лихо спрыгнул в траншею.

Потом приподнялся над бруствером и подал знак рукой выглянувшему из люка танкисту в черном шлемофоне.

Танк, увеличивая скорость, рванул прямо на траншею, в котором находился взводный. Когда до машины оставалось метров пять, офицер приподнялся и бросил первую гранату под гусеницу танка. Сквозь столб пыли солдаты увидели, как грозная машина, лязгая гусеницами и кромсая почву, накатила на траншею. Вдогонку вторая граната настигла танк. Вахтанов, отряхивая с гимнастерки землю, возвратился к взводу и строго спросил у присмиривших ребят:

– Все видели, понятно, как надо действовать?

– Так точно, товарищ лейтенант, – прозвучали несколько голосов, но без энтузиазма.

– Кто хочет первым себя испытать? – спросил он после короткой паузы. Наступило молчание.

– Я, – тихо произнес Шубин. Все солдаты обернулись к нему.

– Рядовой Шубин вам все ясно? – спросил офицер, передавая каску и гранаты.

– Так точно! – ответил Георгий. «Так вот какая обкатка», – подумал он. Надел каску и спрыгнул в траншею, где затаился запах выхлопных газов. «Только бы не сдали нервы», – упрямо стучала в виски кровь. «Пиши мне, милый, чаще, не забывай свою Ксюшу», – звучал ласковый девичий голос.

Он крепко стиснул в руке гранату, словно она была настоящей, а не учебной и стал ждать. На самом краю траншеи, среди сухих травинки на изогнутом стебле белела чудом уцелевшая ромашка. Танк между тем приближался. Георгий уже отчетливо видел его башню, длинный покачивающийся ствол. Он до боли сжал пальцами гранату. Дистанция между танком и траншеей быстро сокращалась.

Курсант приподнялся и метнул гранату. Едва, успел пригнуться, как огромная, падающая дымом, темная масса нависла над ним, закрыла солнечный свет. Желтая глина сухими комьями посыпалась на каску, за воротник гимнастерки.

Несколько секунд превратились в минуту, танк замер на месте, вращая гусеницами. Георгию показалось, что машина вгрызается в почву и еще одно мгновение и раздавить его многотонной массой. Но снова вспыхнуло над головой высокое небо, в котором постепенно растворялся инверсионный след самолета.

Шубин вскочил и точно метнул вторую гранату. Она гулко ударилась о броню. На дне окопа, среди комьев осыпавшейся глины лежала хрупкая ромашка с белыми лепестками и золотым сердечком.

Солдат бережно расправил ее на ладони и положил в карман. И снова Шубину увиделись милые Ксюшины глаза, окаймленные черными пушистыми ресницами.

– Я обязательно тебе напишу, – вслух произнес он и решил вложить в конверт ромашку. Раскаленное солнце повисло над землей большим оранжевым апельсином. Оно равнодушно взирает на ребят, проходящих испытание на твердость характера и силу воли.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

1

Море зеленовато-бирюзовыми языками волн лизало песчаный берег и, нехотя, катилось вспять. На гребнях плясали солнечные блики, словно осколки вдребезги разбитого зеркала. Море тысячелетиями повторяет свои простые и удивительно величавые гексаметры, впервые разгаданные древним Гомером. Оно бывает, то ласковым и теплым, словно парное молоко, летом, то грозным и холодным со свинцово-тяжелыми бурунами в осенне-зимнюю пору, когда задуют норд-осты.

Ныне оно было темным и немного капризным с легким бризом. С неба на него обрушились миллионы тонких незримых лучей. В природе царил благодатный август. Лето в предчувствии золотой осени, стремилось быстрее сохранить энергию в море, песке, одарить ею людей, облепивших своими бронзовыми телами песчаный берег Азовского моря. У самой его кромки расположились палатки: зеленые, желтые, синие, оранжевые и армейские цвета хаки.

С высоты птичьего полета они казались разноцветными кубиками, рассыпанными волшебником. Возле некоторых из них поблескивали лаком автомобили. В разогретом, знойном воздухе слышались всплески воды, шум волн, голоса, смех и крики чаек.

Девушка сидела на песчаном откосе. На смуглые от загара плечи сбегали светлые волосы и в лучах солнца они отливались сусальным золотом. Ее лицо было обращено вдаль, где море сливалось с небом и краски на размытом, дымчатом рубеже переходили в более голубой цвет. Вадим Брусков, сразу, сойдя с бревенчатого причала, заметил незнакомку. Проследил за ее взглядом и увидел выплывший из-за крутого мыса белый пароход. Быстро нашел повод для знакомства.

— Я знаю, вы поджидаете принца, который приплывет на белом корабле, — произнес он, приблизившись к девушке. Она вздрогнула от неожиданности и обратила к парню лицо. Вадим замер, очарованный синью ее больших глаз. В ее облике было что-то от героинь с полотен Рафаэля, Леонардо да Винчи и других знаменитых итальянских живописцев. Правильные, строго симметричные черты лица, овальные тонкие брови. Девушка молча взирала на него, слегка улыбаясь, осознавая магическую силу своего очарования. А он стоял, потеряв дар речи, ощущая стук сердца под просоленной тельняшкой. В голову лезли нелепые мысли.

— Вы, наверное, прибыли из Рима. И этот пароход, — Брусков сделал жест в сторону удаляющегося судна. — Возможно, увезет вас в Италию или Грецию. Там живет ваш принц, который лунной ночью будет вас катать на лодке по голубым улицам Венеции и распевать серенады.

— Вы романтик, хорошо знаете географию и не лишены дара воображения, — наконец, ответила незнакомка. Склонила на бок голову и золотой локон упал на лоб. Улыбнулась и нараспев: «Не надо мне берег турецкий, чужая страна не нужна».

Она закрыла книгу, лежавшую на коленях и поднялась в полный рост, очевидно, намереваясь уйти. На светло-фиолетовой обложке Вадим успел прочитать «Александр Грин».

— Вы любите море, — уверенно заметил он, радуясь возможности продолжить разговор.

— Откуда вам это известно? — усмехнулась она. — Хотя мне неизвестны люди, которые бы не восхищались морем, этой влекущей свободной стихией с романтикой и тайнами открытий.

— Грин писал о море, выдумав, словно таинственную Атлантиду, Зурбаган. Помните капитана Грэя, прекрасную Ассоль. Мне, кажется, вы на нее похожи и обладаете столь же красивым именем, обязывающим любить и быть любимой?

Она поняла его хитрость, но не назвала себя первой. Тогда Брусков подал руку:

— Будем знакомы, Вадим.

— Люба, — тихо промолвила она и встретилась с ним взглядом. — Я тороплюсь, меня ждет мама. Подскажите, который час?

Он растерянно поглядел на запястье левой руки и только сейчас вспомнил, что оставил часы в рубке катера, пришвартованного у причала. Люба ждала ответ, а Брусков чувствовал себя смущенно, словно провинившийся школьник. И вдруг его лицо тронула загадочная улыбка. Приметил на песке деревянный колышек, оставленный от палатки. Взял его в руку и быстрым движением начертил на песке окружность. Сделал на ней пометки и воткнул колышек в центре круга.

– Это солнечные часы, – пояснил он. – По ним и определим время. В той стороне, где возвышаются горы, – юг.

Вадим указал рукой в сторону едва различимых за дымкой Крымских гор. А на противоположной стороне север.

От колышка падала короткая тень в сторону севера и он произнес:

– Сейчас полдень. А ночью, если бы вы согласились прокатиться на катере, я научил бы вас определять время по расположению звезд. Я закончил Керченское морское высшее училище, где кроме судовождения, в том числе и парусных яхт, изучал астрономию, азбуку Морзе и способы выживания в экстремальных условиях. Суворовское изречение: «Тяжело в учении, легко в бою» в полной мере относится и к морякам, ведь море благодущия и ошибок не прощает.

– Спасибо за информацию, – сказала Люба и пошла по берегу, осторожно ступая на колкие ракушки. Волны плескались у ее стройных ног и уходили в море, унося студенисто-фиолетовые тела медуз, оставляя на влажном песке нити зеленых водорослей.

Брусков запоздало устремился следом и предложил:

– Я вас провожу?

Люба ничего не ответила, но в легком наклоне головы он уловил согласие. Шагая рядом, он видел тонкий профиль ее нежного лица, смуглые ноги и руки с прилипшими к ним мелкими песчинками. И необыкновенное чувство радости заполняло его сознание.

– Я люблю купаться, но боюсь змей и медуз, – призналась девушка. — Правда, со змеями общаться не довелось. Я их вижу на поверхности воды, а вот за медузами не уследишь. После их прикосновения жжет кожу.

– Да, неприятные ощущения, но не опасны. Да и змеи не причинят вреда, они при виде человека уплывают прочь, поэтому купайтесь в свое удовольствие, – успокоил он и поинтересовался. – Люба, вы сейчас живете в рыбацком поселке?

– Да, с мамой снимаем комнату у местной старушки. Решили август провести у моря.

– Вы, наверное, актриса?

– С чего бы?

– С такими внешними данными место в театре или кино.

– Нет, это не моя планида, я учусь на биофаке. В следующем году защищаю диплом и буду преподавать биологию, – призналась она и в свою очередь спросила. А вы, Вадим, чем занимаетесь?

– Судовой моторист. Вот мой катер, – Брусков указал на судно. – Гуляю в море, а, если повезет, уйду с рыбаками на траулере на промысел и будем бороздить океан.

– Как это интересно и романтично! Неведомые сказочные страны, экзотика! – восхитилась она. – Моряки – мужественные люди, покорители свободной стихии.

– Не только моряки военно-морского и торгового флотов, но и рыбаки, просоленные штормами и ветрами, – подтвердил он.

– Вадим-м! Брусков! – послышался зов, усиленный репродуктором. – Срочно пройдите на катер!

Люба увидела его погрустневшие глаза.

– Видите, как бывает, – виновато произнес он и пообещал. – Приходите завтра на причал, покаю вас на катере.

– И будете петь серенады, – озорно рассмеялась девушка.
– Встретимся на прежнем месте, – предложил Брусков, боясь услышать отказ.
– Не знаю, – Люба подала ему теплую ладонь. До свидания...
– До скорого! – обрадовался он, ибо больше всего не желал услышать из ее уст «прощай». Долго провожал ее нежным взглядом. Потом бодро и широко, словно на пляшущей на волнах палубе, зашагал по причалу к катеру, который удерживаемый швартовыми канатами, терся бортом о старые автомобильные шины, привязанные к стенке пирса. Здесь моториста поджидал с биноклем на груди в тельнике матрос Игорь Лукаш. Скуластое лицо, вздернутый нос, упрямые губы и желтовато-бурый чуб, о который ломались зубья даже металлической расчески.

2

На следующий день Брусков на полчаса раньше уже был на условленном месте. Напряженно следил за теневой стрелкой солнечных часов. Хотя на этот раз вооружился и наручными часами, и компасом. Встревожился, когда тонкая тень стала медленно отклоняться от пометки С. Но Люба все же пришла. Он узнал ее издали. На голове девушки была белая шляпка, окаймленная голубою лентой. Легкое лилово-сиреневого цвета платье подчеркивало стройную фигуру с тонкой талией. Вадим поспешил ей навстречу.

– Прости, я немного опоздала, – виновато опустила она ресницы.

– Люба, запомни, женщина никогда не опаздывает, она задерживается, – заметил он, осознавая, что все равно приходил бы к песчаному откосу в надежде увидеть ее.

– Я готова к морской прогулке.

– Прекрасно, к вашим услугам леди, – ответил он, держа ее изящную ладонь.

Игоря Лукаша капитан по его просьбе отправил в машинное отделение. Люба и Вадим стояли на корме, опираясь на мокрые поручни. Катер мчался, разрезая набегавшие от таманского берега волны. Соленые брызги освежали прохладой их лица, бодрили йодистым запахом ветра. Он загибал края шляпки, норовя сорвать ее с головы. Плотнo прилепил платье к тугому девичьему телу, словно изваял скульптуру.

Лукаш, следуя наставлениям моториста, выжимал из старенького катера предельное количество узлов. Работой своего помощника Вадим был довольный. Люба сняла шляпку и ветер закружил, разметал золотое пламя волос. Ему вдруг захотелось прикоснуться к ним руками.

– Гляди, сколько чаек! – восторженно воскликнула девушка и мокрое платье проявило линии ее изящного тела, округлость бедер и гибкий стан. Он залюбовался, но натолкнулся на ее строгий взгляд. «Странно, ведь на берегу я ее видел в бикини, а здесь она застыдилась, – подумал он. – Непостижима женская психика и логика».

– Я сейчас, – произнес он и нырнул в проем с металлической лестницей, ведущей в кубрики. Возвратился с матроской робой и велел:

– Переоденься, а то простудишься. Море бывает не только ласковым, но и коварным.

Приняв робу, Люба медлила и он догадался пройти в рубку. Когда возвратился, то девушка предстала настоящей морячкой в тельняшке, брюках клеш и бескозырке с крабом. Ленточки переплелись с нитями волос.

– Любочка, – ласково произнес Брусков. – Иди к нам в экипаж, Тебе очень к лицу морская форма.

Она озорно улыбнулась и закружилась по палубе. На протянутом от кормы к рубке тросе сигнальным флажком трепетало на ветру ее лилово-сиреневое платье.

Когда они после морской прогулки, сходили на причал, утомленный Игорь Лукаш позабывал Брускову:

– Где ты такую принцессу отхватил?

– Надо смотреть в оба. А тебе спасибо, дай краба, – он крепко пожал руку друга. – Скорость была крейсерской.

Катер, потрудившись на славу, отдыхал у причальной стенки. На берегу, как прежде было многолюдно и шумно. Из палаток выплескивались мелодии, звучали шлягеры. Качаясь на волнах, плавал красно-синий мяч, вокруг которого резвились детишки

. Выброшенные на берег, погибали медузы. Вадим и Люба бесцельно шли по берегу, разговаривая о случайных мелочах, обретавших значимость. Брусков не без гордости замечал восхищенные взгляды мужчин и парней, обращенные к его спутнице. Линия берега, изгибаясь дугой, уходила вдаль.

– Что это за сооружение? – Люба указала рукой на возвышающийся над берегом серый каменный остов.

– Старинная турецкая крепость Еникале. В городе очень много памятников античности, склеп Деметры, Царский и Мелек-Чесменский курганы, древние городища Пантикапей, Мирмекий, Тиритаки и другие, а также средневековья и современности.

– Интересно побывать в этой крепости. Там, наверное, витает дух прошлого и есть шанс отыскать монету, черепки, другие артефакты.

– Пошли, посмотрим, но находки не обещаю. Археологи до нас поработали, да и в прошлом веке счастливики, охотники за кладами, все перекопали, – пояснил он. Взял Любу за руку. Еще в детстве со своими сверстниками он здесь играл в «войну» и каждый уголок крепости ему был знаком. Без особого труда преодолели уже давно осыпавшийся и поросший солончаком и тамариксом ров.

Когда-то он представлял для воинов, штурмовавших крепость, серьезное препятствие, заполненное водой. Воду с помощью простых, но эффективных гидросооружений, подавали из моря. Каменные стены кое-где разрушились от дождей и ветров, покрылись зеленовато-желтым и бурым мхом.

Настороженно, словно скрывая тайны былых сражений, зияют темные отверстия бойниц. Они вошли в один из мрачных казематов. Потянуло сыростью, тленом минувших веков.

Люба доверчиво прижалась к плечу Вадима. Под его ногой что-то хрустнуло и он наклонился. Поднял круглый предмет и поднес к глазам и с удивлением сообщил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.